

СВОБОДНОЕ предпринимательство

СВОБОДНОЕ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО:
ПРЕПОНЫ И НАДЕЖДЫ

Валерий Писигин

СВОБОДНОЕ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО:
ПРЕПОНЫ И НАДЕЖДЫ
СВОБОДНОЕ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО:
ПРЕПОНЫ И НАДЕЖДЫ
СВОБОДНОЕ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО:
ПРЕПОНЫ И НАДЕЖДЫ
СВОБОДНОЕ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО:
ПРЕПОНЫ И НАДЕЖДЫ
СВОБОДНОЕ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО:
ПРЕПОНЫ И НАДЕЖДЫ
СВОБОДНОЕ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО:

Валерий Писигин

**СВОБОДНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО:
ПРЕПОНЫ И НАДЕЖДЫ**

— 1992 —

ББК 65.9(2)09

П 34

П 34

Писигин В.Ф.
Свободное предпринимательство:
препоны и надежды. Сборник статей /
Предисл. М.Я.Гефтера. - Ульяновск:
"Симбирская книга", 1992.

ISBN 5-8426-0085-4

ББК 65.9(2)09

© В.Ф.Писигин, 1992 г.

*Переиздание этой книги
посвящается выдающемуся ученому
и общественному деятелю, одному из
лидеров Новой кооперации в России,
моему старшему другу —
Владимиру Александровичу Тихонову
(1927-1994)*

Михаил Гефтер

Альтернативная экономика —
альтернативный человек

Собранные под одной обложкой тексты Валерия Писигина не нуждаются в предваряющих комментариях. Эти тексты лишены стилевых замысловатостей и законспирированных намёков. Они прямы, упруги, целенаправленны.

В сущности, у них единый сюжет. Писигин "болен" судьбою свободного предпринимателя. Он убежден в том, что, без умножения числа людей, берущих на себя риск и ответственность неказённой деятельности в самой жизненной сфере, обманом звучит "перестройка" и лишена будущего евразийская демократия. Может показаться, что автор ломится в открытую дверь. Но это далеко не так. У предпринимателя во врагах — могущественные структуры, истинные правопреемники сталинизма. И, к несчастью, предприниматель лишен настоящих союзников, надежных опор в общественной мысли и в общественном движении. Первое заметней, но от этого не становится менее опасным. Второе неуловимей и потому нуждается в выяснении причин разобщенности людей дела и нынешних политических оракулов. Собственно, этим и занят Валерий Писигин — из статьи в статью. Критическое острие их — не только от молодого запала, но и от внутренней работы, занятой прозой жизни в неотрывной связи с её тем Завтра, которое только очень наивным людям (или людям, занятым лишь собою) представляется чем-то загодя данным, само собой разумеющимся отрицанием того, что вчера еще безраздельно господствовало, распоряжаясь участью всех.

Но одним лишь «анти» сыт не будешь. Вроде бы азбучная истина. Однако что-то не укореняется. В новых букварях нуж-

да. В таких, какие сделают внятными таинственное слово — «альтернатива» — и наполнят живым содержанием обиходное — «выбор». Писигин из тех, кто творит букварь, по которому, надеюсь, превеликое множество людей научится вводить в собственные будни демократию для миллионов — в сознании того, что демократия для немногих не только чванлива, но и рахитична, слабостью своей поощряя свежеиспечённых ультра (с патриотическим кликом либо эгалитарной фразой на устах).

Юрий Ларин некогда сказал своему другу Бухарину: «Николай Иванович, Вам бы вместо "обогащайтесь!" надо бы сказать — "богатеите!"». Поправка не мелкая. Теперь — злободневная. Нам и впрямь из руин и бедности удастся выкарабкаться, лишь богатея. Наличностью благ и заделом мысли. Свежестью слова, вслед которому — простое дело: путь же к нему совсем не прост.

12 февраля 1992 г.

15 февраля 1991 г.

Кооперация: средство для выживания

Настоящая статья предназначена исключительно для предпринимателей, которые сегодня испытывают на себе основную тяжесть давления обанкротившегося тоталитарного государства.

Со дня своего основания, то есть с августа 1988 года, Межрегиональная кооперативная федерация СССР ставила своей целью политическое обслуживание кооперативного движения в нашей стране. Мотивируя необходимость такой деятельности, мы отмечали, что нарождающийся альтернативный капитал в условиях государства, не ограниченного нормами цивилизованного права (неправового), — обречен на присвоение этим государством. Мы также подчеркивали в своих обращениях к кооператорам, что именно кооперация стоит на самом острие борьбы за перераспределение собственности, а значит, именно этому сектору предстоит испытать на себе всю подавляющую мощь обанкротившейся тоталитарной системы.

Мы говорили также о том, рассеивая иллюзии многих кооператоров, что само развитие кооперации — не магистральный путь, по которому решилось идти это государство, а всего лишь проявление «экономического либерализма», с тем чтобы, используя личный и групповой интерес людей, государство могло скальпировать кооператоров (арендаторов, фермеров, индивидуальных и т.д.) и продлевать свое существование.

Кооперация, таким образом, не рассматривается как полноценный сектор экономики, но лишь как денщик госсектора, призванный выполнять вспомогательную роль при нём.

Исходя из этого, мы призывали кооператоров использовать благоприятный для себя момент, с тем чтобы успеть встать на ноги, вылиться в мощное общественно-политическое движение, интегрировать в себя все самое лучшее, что только осталось по-

сле долгих лет господства тоталитаризма. Мы говорили о том, что кооперация должна стать основой нарождающегося демократического слоя, призванного обеспечить необратимость проводимых в стране реформ.

Для этого мы призывали кооператоров всерьез обратиться к политике, к науке, вкладывание средств в которые — необходимое условие для своего воспроизводства.

Мы вновь выдвинули тезис о «политизации экономики и экономизации политики», известный еще с нэповских времен. Под этим мы подразумевали органическую связь между развивающейся в стране свободной экономикой и демократически настроенной интеллигенцией. При этом свободные производители поддерживают последних материально, а интеллигенция «обеспечивает» их политически.

«Политизация» при этом не является некой абстрактной вещью и включает в себя целый спектр деятельности: организация учебы предпринимателей; создание кооперативных союзов, ассоциаций и федераций; организация правовой защиты предпринимательства; создание различных фондов поддержки предпринимательства; развитие специализированной прессы; связь с демократическим движением в стране и за рубежом и т.д.

Мы говорили, обращаясь к предпринимателям: пожертвуйте на создание своих защитных структур (союзы, ассоциации, федерации) рубль из десяти, чтобы сохранить остальные девять, потому что могут прийти времена, когда вы будете искать, кому бы отдать девять, чтобы сохранить один.

В феврале 1991 года, кажется, эти времена пришли.

Теперь говорить о «политизации» кооперативного и иного предпринимательского движения — оказывать им медвежью услугу. Ибо задача в период резкого зигзага реформ «вправо» — сводится к простому выживанию и сохранению того, что было накоплено за время либерализации.

Сохранение накопленного предпринимателями производственного, финансового и торгового капиталов — это важнейшая общенародная политическая задача сама по себе.

В отличие от наших «демократических» политиков, предприниматели ограничены в своих действиях. Иллюзий относительно участия кооператоров, фермеров, арендаторов, банкиров в различных политических акциях (как то: забастовки, митинги, гражданское неповиновение и т.д.) не должно быть. Предприниматели связаны тысячами нитей с системой государственных учреждений, с госбанками, рынком, наконец, они ответственны за людей, которые работают в кооперативе или на ферме.

Толкать банкира к гражданскому неповиновению — это акция, скорее всего, просто глупая. То же относится и к другим видам предпринимательства.

При антипредпринимательской политике государства не сможет развиваться ни кооперация, ни фермерство, ни что-либо иное, связанное с альтернативной экономикой. Также очевидно, что невозможно развивать в подполье какой-либо полнокровный сектор экономики. Находясь на нелегальном положении, можно создать банду или оппозиционную партию (и ведь создавали!), но нельзя подпольно кормить, одевать и обувать людей, нельзя развивать подпольно систему банков и рынок ценных бумаг.

Повторю, никаких иллюзий относительно развития кооперации и вообще независимой экономики в условиях антипредпринимательской политики быть не должно. Свободного предпринимательства не будет! Будет (а может быть, и есть!) социально-экономический урод, осуществляющий рядом с государством разрушительные для общества функции.

Как же сохранить себя до лучших времен? И когда эти времена настанут?

Все действия предпринимателей должны быть обдуманно и взвешенно. Знание экономической и политической конъюнктуры для них — нетривиальная задача, от которой зависят все последующие ходы. Необходимо знать, что подавленно-открытая инфляция, в которую вошло сегодня общество, непременно пе-

рейдет в гиперинфляцию, по оценкам специалистов, к 1992 году. В политике это будет сопровождаться сменой жестких правительств либеральными и наоборот.

Сегодня, когда вслед за повышением оптовых цен правительство должно со дня на день повысить розничные, основная задача этого правительства (и президента тоже) — удержаться любой ценой.

Это будет невероятно сложно. Главная опора такого удержания власти, конечно же, не хилые силы «демократов», а структуры, у которых реальная власть, — армия, КГБ, МВД, партаппарат и т.д.

Поэтому на этапе подавленно-открытой инфляции (цены растут, а товаров нет) правительства будут очень жесткими, и это объективный фактор. В такое время, повторю, важно сохранить то, что есть, с тем чтобы в следующий период, когда следующее правительство под напором обстоятельств (гиперинфляции) вынуждено будет уступить власть либеральному, можно было бы с новыми силами взяться за свое развитие.

Важно подготовить экономические структуры с эффективными интеграционными механизмами.

Лучшее средство для выживания в жестких условиях — максимально гибкая корпоративная связь предпринимателей. Сохраняя финансовую и экономическую независимость, предприниматели должны идти на создание устойчивых структур, соединяя интерес, а при необходимости частично объединяя и капиталы, используя для этого систему кооперативных и независимых коммерческих банков, общественных благотворительных фондов и т.п.

Предприниматели стараются в это время обеспечить себе максимальную независимость от каких-либо государственных структур, готовых по команде «сверху» в любой момент проглотить меньшого брата-конкурента. Средства кооператоров размещаются только в кооперативных или независимых коммерческих банках, пусть даже и под меньший процент.

Кредиты и ссуды предприниматели берут также только в независимых банках, пусть даже иногда под более высокий процент, чем в системе Госбанка.

В условиях резкого ужесточения политики против предпринимательства ставить необходимо только на социально близкие к предпринимательству слои и структуры.

Предприниматели воздерживаются от каких-либо сомнительных сделок, пусть даже и сверхвыгодных для них. Еще раз внимательно приглядываются они к персоналу, в том числе наемному, и немедленно освобождаются от работников, подозреваемых в связях с коррумпированной бюрократией и мафией. Предприниматели приводят в абсолютный порядок все имеющиеся документы, финансовые бумаги, с тем чтобы быть готовыми к любым проверкам.

При проверках предприниматели фиксируют все действия проверяющих, ведут журналы учета проверок, ведут магнитофонные записи при возникающих конфликтах, не скрывая этого от ревизоров.

В каждом кооперативе, малом предприятии, фермерском хозяйстве руководители внимательно следят за указами Президента СССР, законодательными актами Верховных Советов, постановлениями Кабинета Министров, другими документами, связанными с развитием альтернативной экономики, и знакомят с этими документами всех своих работников.

Предприниматели устанавливают тесную связь с прогрессивно мыслящими депутатами всех уровней — от Верховного Совета СССР до районных Советов. Устанавливают рабочие контакты с депутатскими группами по проблемам развития новых форм хозяйствования, приватизации, с антимонопольными комиссиями, Комиссией по гласности Верховного Совета СССР.

При самых незначительных превышениях полномочий и произволе со стороны органов проверок необходимо ставить в известность депутатов и требовать от них депутатских запросов по каждому случаю беззакония.

Кроме того: важно установить сотрудничество с квалифицированными юристами, предусмотрительно позаботиться об

адвокате, для чего установить связи с Коллегией адвокатов СССР, представители которой есть во многих городах страны.

Необходимо также обращаться за помощью к прогрессивной прессе, в такие органы, как «Известия», «Комсомольская правда», «Московские новости», «Литературная газета», влияние которых на общественное сознание достаточно велико.

Из тех политических партий, которые созданы в последнее время в стране и претендуют на то, чтобы называться «демократическими», лишь Партия свободного труда создана самими предпринимателями для защиты интересов предпринимателей. Однако и в отношении неё должен превалировать тезис: предприниматели поддерживают только те политические структуры, которые органически связаны с ними и защищают интересы предпринимательства. Тем политикам, которые с протянутой рукой говорят: «Дайте нам средства – и мы станем вас защищать», — предприниматели верить не должны и в их «политические» игры не включаются.

Сегодняшняя, чрезвычайно трудная для альтернативной экономики, ситуация — временная. Реформы в такой стране, как СССР, не могут развиваться по прямой линии. Будут повороты, торможения, зигзаги, но страна уже не будет прежней. Не мысля себе обратного пути в казарму тоталитаризма, мы надеемся на лучшее. И свои надежды мы подкрепляем реальными действиями, ежедневным созидательным трудом, без которого страна никогда не сможет занять место, ею по праву заслуженное.

«Деловой мир», 23 февраля, 1991 г.

* В начале некоторых статей дается дата их написания.

23 октября 1990 г.

Пока у нас базар, у них — уже рынок!

Пока наши парламенты (союзный и республиканский) меряются силами, выясняя, который из них более радикальный и полезный народу, пока обсуждаются «основные направления» и «пути перехода к рынку», пока идет честолюбивая борьба за право перерезать «рыночную ленточку» и войти в историю, — рынок в стране уже давно действует.

Четвертый год живет и развивается кооперативное движение, набирает силу фермерство, уже более двух лет работают новые банки и с боем пробивается аренда.

Это уже не тысячи, а миллионы людей, действительно втянутых в «перестройку», и ее необратимость для них — вопрос жизни.

Но мы хотим обратить внимание на другую сторону нарождающегося рынка.

В стране полным ходом идет создание государственных экономических структур, призванных осуществить перестройку бюрократических отношений собственности. В короткие сроки эта новая номенклатура рассчитывает не просто набить карманы или сделать карьеру, но также стать определяющей политической силой.

— Скоро будете за честь считать интервью со мной, — говорит корреспонденту «Известий» директор машиностроительного завода им. Калинина (Свердловск) А.Тизяков, он же председатель Ассоциации госпредприятий Свердловской области.

— Мы будем влиять на правительство и президента, — продолжает представитель экономики отнюдь не теневой, а легальной и поощряемой. (См.: Последний оплот директора // Известия. — 12 октября. — 1990.)

Внимательно прочтите эту статью А.Пашкова.

Разумеется, создаваемые «ордена промышленных меченосцев» будут искать (и найдут) свой политический эквивалент. Это естественно и нормально. Но среди кого? Я полагаю, что таковой у них уже, по сути, готов. Многие из них – бывшая комсомолка, верная идеям революции, а сегодня её с таким же успехом поносящая. А кроме того – местные городские и районные Советы, власть которым мы спешим передать. Учитывая то, что городские власти и дня не смогут прожить без финансовой и материальной помощи крупных предприятий, на балансе которых, собственно, и находятся города, можно предположить и образование идеальных смычек между промышленным комплексом (военно–промышленным?) и Советами.

И еще немного размышлений: конечно, даже самый популистский лидер, придя к власти, не может удержаться «наверху», опираясь только на толпу, социальная психология которой изменчива, как ветер мая. Он будет искать опору более мощную и реальную. Изменить соотношение сил в свою сторону он сможет, лишь опираясь на достаточно мощный и экономически выраженный слой. Выбирать в этом случае особенно не придется.

И Горбачева, и Ельцина, и кого угодно ожидает политический крах, если им не удастся в максимально короткие сроки создать новые экономические структуры и с их помощью нейтрализовать саботаж, блокаду и противодействие демократическим реформам. Либо (а альтернатива всегда есть) придется идти на поклон к структурам существующим, сохраняя власть, теряя сторонников из демократического лагеря, самому становясь выразителем интересов государственного монополиста.

Здесь уместно кратко остановиться на идее так называемого «правового государства», которая сама по себе прекрасна и вписывается в контекст общечеловеческих ценностей. Но только если речь идет об идее. В действительности же государство не может быть неправовым, ибо оно само есть институт для поддержания *норм права*, сложившихся в данной стране. *Право*, в свою очередь, есть отражение соотношения сил между различными слоями и социальными группами. И чтобы изменить существующие нормы права, надо изменить сложившиеся соот-

ношения сил. Эти изменения происходят не в результате митингов и демонстраций, а после перераспределения отношений собственности.

Только тогда *нормы права*, сложившиеся в результате изменения соотношения сил, смогут ограничить государство в произволе. Сделают его «правовым». Главный (и единственный) аргумент, могущий принудить государство к соблюдению им норм права, — гражданское общество, возможное только на базе общественного капитала.

Власть нельзя ВЗЯТЬ. Ее можно только ОРГАНИЗОВАТЬ.

Увы, склонность нашей интеллигенции (в отличие от технократов и прагматиков из административной системы) к либеральному толкованию реформ не позволяет оформиться действительно демократическому слою, способному гуманизировать переход к рыночным отношениям, не позволяет всерьез говорить о наличии сколько-нибудь сильного гражданского общества. Между тем тоталитарная система реанимирует и перестраивает себя более чем успешно, не встречая практически никакого сопротивления. («Перекачку» капитала она ведет не на палубе государственного корабля, а в его машинном отделении, куда, увы, не любят заглядывать «демократы».)

Вот нехитрая статистика, которую необходимо знать, чтобы представлять потоки и тенденции политэкономических процессов. По этим цифрам можно проследить, куда и как ведут «перекачку» государственных капиталов новые силы старой системы.

На август месяц сего года в стране существовало всего 356 новых коммерческих и кооперативных банков с уставным фондом 4 миллиарда 670 миллионов рублей. Из них кооперативных — 108 банков. Надо пояснить, что разница между кооперативными и коммерческими банками не только финансово-экономическая, но и социально-политическая. Коммерческие банки создавались по инициативе Промстройбанка СССР для обслуживания госпредприятий, и из их же средств формируется уставной фонд этих банков. Собственно, коммерческие банки

надо рассматривать как неотъемлемый субъект и инструмент государственной собственности. Кооперативные же банки создаются на базе альтернативной государству кооперативной собственности. Кооперативные банки — емкость общественного капитала, механизм по его обращению и воспроизводству.

Так вот: удельный вес уставного фонда кооперативных банков в системе новых банков — всего 115 млн. рублей, что составляет 2,48%.

Обратите внимание на лидеров, чей уставной фонд выше 100 млн. рублей.

Девять таких банков имеют уставной фонд 1 миллиард 705 миллионов рублей. Среди них даже близко нет ни одного кооперативного банка, если не считать, конечно, банк Центросоюза (303,6 миллионов рублей).

Приглядитесь: «Молодежно-комсомольский банк» (250 млн. руб.); «Автобанк» (250 млн. руб.); «АвтоВАЗбанк» (200 млн. руб.); «Нефтехимбанк (200 млн. руб.); ком. банк «Орбита» (160 млн. руб.); «Союзпрофбанк» (120 млн. руб.) (почему-то профсоюзы отстают от комсомола!); «Газпромбанк» (119 млн. руб.) и Коммерческий торговый банк (всего-то 102 млн. рублей).

Это киты новой рыночной экономики.

Далее идет, если так можно выразиться, вторая группа банков, с уставным фондом от 10 до 100 млн. рублей. Таких банков к августу насчитывалось 63, а их уставной фонд равнялся 1 миллиарду 762 миллионам рублей. Из них лишь один кооперативный банк — «Столичный», с уставным фондом в 20 млн. рублей, что составляет лишь 1, 14%.

Далее идут банки с уставным фондом от 1 до 10 млн. рублей. Таковых — 195, а их совокупный уставной фонд — 1 млрд. 103 млн. рублей. Из них кооперативных — 19 банков, с уставным фондом 36 млн. рублей. Удельный вес в процентах — 3, 26%.

И только затем идут банки кооперативные, демократические, альтернативные, назовите как угодно, с уставным фондом до одного миллиона рублей. В этой группе всего 89 банка, из которых кооперативных — 88. Но и здесь, если внимательно

приглядеться к основным пайщикам, можно увидеть, что во многих банках госпредприятия контролируют ситуацию, имея решающий процент в уставном фонде.

Не отстает от этих свежееиспеченных нуворишей и партийная номенклатура. В рынок – так в рынок! Уже создан ряд партбанков, куда перекачали свое имущество аппаратчики. Еженедельник «Коммерсантъ» (№ 32, август 1990) сообщает об этом с призывом: «Храните деньги в партбанках! На одних процентах можно жить-поживать аж до второго пришествия коммунизма, а то и дольше».

В ленинградском коммерческом банке «Россия», например, крупнейшим пайщиком является Управление делами Ленинградской областной организации КПСС. (См. «Коммерсантъ» № 42, окт. 1990. – С.6.)

Опасность национализации партийного (аппаратного) имущества заставляет размышлять его хозяев и действовать диалектически. Оргтехнику, здания, автопарк и прочую недвижимость перекачивают в предусмотрительно созданные емкости: это и совместные предприятия, и различные ассоциации, фонды, и кооперативы и т.п. В этом случае решение местных демократов о национализации – акция чисто символическая, хотя для «демократов» и отрадная.

Послушайте только: «Переход к регулируемым рыночным отношениям, поддержка предпринимательства требуют ускоренного создания сети малых предприятий, способных активизировать структурную перестройку экономики, предоставить широкую свободу выбора и дополнительные рабочие места, обеспечить быструю окупаемость затрат, оперативно реагировать на изменение потребительского рынка».

Кто это? Может, экономист Шмелев? Нет же, это знаменитый четырехугольник – «обком», «совмин», «облсовпроф», «комсомол». Обеспокоенные судьбой предпринимательства, они решили создать Фонд поддержки малых предприятий в одной из союзных республик, еще вчера числившейся автономной, и «перекачать» в него несколько десятков миллионов рублей. А

дальше все идет и вовсе по законам рынка. Учредители Фонда обязуются соблюдать положения учредительных документов; исполнять принятые на себя обязательства по отношению к Фонду; оказывать правлению Фонда содействие в осуществлении им своей деятельности; не разглашать конфиденциальную информацию о деятельности Фонда и т.д.

Диву даешься, ведь не устают повторять: «Не готовы к рынку!» Выходит, готовы, более того – уже давно там.

Этот процесс, на мой взгляд, не тривиальная мимикрия системы, а глобальный переход её в совершенно новое качество, к которому не грех внимательно присмотреться. Возможно, что этот процесс – завершение цикла, при котором государство в лице гигантских государственных корпораций и банков становится единственным законным и законченным собственником, не штыком, а экономически принуждающим своих подданных к выполнению своих, государственных, интересов.

Много лет велась борьба вокруг словосочетания «частная собственность». **Не вокруг собственности, а вокруг слов!** Нашли приемлемый компромисс – «приватизация», а вот собственность там же, у кого надо. Исполкомы (а механизмы власти у них) продают магазины в собственность... своей родной торговле, за счет которой и кормятся. Оформляются такие сделки в одночасье. Бросились предприимчивые люди приобретать в частную собственность магазины, а им: «Все давно уже продано!»

Мало того, в Нижнем Новгороде бьют тревогу: «Прекратить растаскивание государственной собственности!» Этим «растаскиванием», как сказано в решении, занимаются кооператоры. И местный городской Совет в срочном порядке принимает решение «Об упорядочении разгосударствления государственной собственности», чтобы, как сказано, «приватизация не шла стихийно (!!! – В.П.) и бессистемно». Этим решением местные власти приостановили действие ранее принятых Советом документов. И далее: «Одновременно облисполкому поручено принять меры к взысканию с виновных (виновны в том, что, вос-

пользовавшись Законом, стали собственниками! – В.П.) сумм ущерба, нанесенного государству из-за неправомерного изъятия его собственности». (См.: А.Ершов // Известия. – 21 октября. – 1990.)

Удивительный документ: я выкупил за миллион рублей помещение, чем нанес «ущерб» государству, и за «ущерб» с меня еще и вычтут кругленькую, надо думать, сумму каких-то моих «долгов».

«Стихийная» приватизация не вписывается в рамки социалистического рынка. Этак и вы, читатель, вздумаете сдуру чего-нибудь купить, в то время как существует «порядок», точнее – «упорядочение» (продажа «своим»).

Экономист-марксист возражает: «Ну и прекрасно! Бытие определяет сознание. Обретая собственность, они, вчерашние паразиты, будут завтра предпринимателями, и главное для них – производство и сбыт товара. Философия собственника всесильна, она выправит горбатого. А кроме того, они будут вынуждены зарабатывать деньги, а не существовать за счет дотаций из городского бюджета».

Наивные люди.

Производство продукта и его реализация – дело последнее, если сохраняются прежние номенклатурные связи, в руках у которых городской бюджет, распределение госзаказа, механизмы ценообразования, заработная плата, социальные программы и прочее.

Ведут борьбу за «упорядочение» процесса приватизации и на родине В.И.Ленина, в Ульяновске. Там коллектив завода железобетонных изделий №1 дошел до того, что, в полном соответствии с принятыми постановлениями Совмина СССР от 25 января 1990 года, выкупил всё имущество завода и уже – как полновластный хозяин – решил вступить в концерн «Бутэк». Помощь в этой акции заводу оказывал Засвияжский районный Совет с председателем во главе, засвидетельствовав и узаконив акт купли-продажи предприятия в собственность коллективу, работающему на нем. Не тут-то было! Мощные региональные щупальца Министерства строительства СССР – «Ульяновскст-

рой» и объединение «Железобетон» немедленно отреагировали на это «беззаконие», направив во все инстанции суровые письма. В них, в частности, говорится: «Оформление выкупа и выдача Государственного акта купли-продажи произведены Засвияжским райфо без участия вышестоящих органов управления (то есть без них самих – В.П.), в обход них и втайне от них». Жалоба возымела немедленное действие, и уже через день Ульяновский исполком принял решение 399 от 11.10.90 г. о приостановлении продажи имущества государственных предприятий.

Борьба между коллективом собственников и Засвияжским Советом с одной стороны и мощными государственными структурами с облисполкомом во главе с другой – продолжается.

* * *

Когда тоталитарное государство становится банкротом и не способно более обеспечивать существование не только своих подданных, но и воспроизводство свое собственное, оно не продает имущество «с молотка», а провозглашает некоторые экономические свободы, так называемый «экономический либерализм». Именно: арендные отношения, кооперацию, акционерные формы, индивидуальную трудовую деятельность и даже частные формы хозяйствования.

Цель этих вынужденных и хлопотных акций одна: используя эффективность личного и группового интересов, выкачивать максимальную долю из прибылей кооператоров, акционеров, арендаторов, так называемых собственников, с тем чтобы стабилизировать и продлить существование тоталитарной системы.

«Децентрализация власти» под лозунгом «Больше ответственности – на места!» провозглашает на деле «самостоятельность» фабрик, заводов, целых отраслей и регионов, но не людей и коллективов, живущих и работающих там. Это есть передача властных функций (но не самой власти) административному аппарату, дирекции этих производственных единиц. Создаются новые структуры, призванные осуществлять «выкачива-

ние» средств за счет «повышения производительности труда» трудящимися. Последним повышается заработная плата (в виде ли мифических акций или талонов на дефицит), но это все то же жалование, выплачиваемое рабочим за их соучастие в процессе бюрократического присвоения.

Эти новые структуры есть передаточные ремни, с помощью которых тоталитарное государство намеревается и впредь грабить своих подданных. Централизованная экономика не есть неперенный атрибут тоталитаризма, таковой с успехом может сохраняться и при многоукладности, которая в этом случае превращается в многоукладное ограбление. (Слово не устарело, между прочим, как и сам грабеж.)

Используя сложную и неопределенную обстановку в стране, запутанность и непросвещенность людей, отчужденность и социальную апатию на селе, склонность интеллигенции к митинговой, уличной демократии, а парламентариев – к фетишизации законотворчества, финансово-производственная номенклатура (можно как угодно называть) умело разыгрывает карту «экономического либерализма».

* * *

Вышесказанное — лишь малая часть того процесса, который невиданными темпами происходит сегодня в стране.

«Все, что хорошо для “Дженерал моторс”, — хорошо для Соединенных Штатов!» — эта политическая доктрина не прошла в свое время в США, потому что имела сильного конкурента в лице мелкого предпринимательства, объединенного в гражданское общество с демократическими традициями и развитостью провинций. Именно эти факторы позволили среднему американцу со всей серьезностью заявить президенту Гардингу: «Если крупный бизнес не перестанет вершить делами правительства, Вам придется испытать большие неприятности от народа Америки». (История США, Т.3. — М.: 1985. С.26.)

У нас, в стране с историческим приматом Центра, при отсутствии сильного среднего слоя и демократических традиций,

при отсутствии гражданского общества — такая доктрина может восторжествовать. Она может явить миру еще один образчик социального устройства, на который мы так горазды.

В этом случае из тисков сталинизма, где человек — раб тоталитарного государства и его собственности, он может попасть в положение не менее жестокое, когда до него никому (и прежде всего государству) нет дела.

Приведенное в начале заявление руководителя Ассоциации промышленных предприятий Тизякова корреспонденту «Известий» не случайно, и это не симптом завышенной самооценки. На Всесоюзном собрании руководителей государственных предприятий, проходившем в Кремлевском Дворце съездов (!), суровые директора после резкой и беспрецедентной критики предъявили президенту настоящий ультиматум. Директор Таллинского электротехнического завода И.Шепелевич заявил: «Вам, Михаил Сергеевич, надо определиться, к кому Вы обратитесь в трудную минуту — к коммунистам-руководителям или кому-то другому».

На этом же собрании был предложен проект обращения к органам власти, в котором, в частности, говорится: «Предупреждаем, что в случае дальнейшего ухудшения положения в стране, бессилия власти и ее беспомощности мы (*администрация?* — *В.П.*) начнем брать проблемы экономического регулирования в свои (*директорские?* — *В.П.*) руки. Возможно, нам (*директорам?* — *В.П.*) станут мешать (*рабочее самоуправление?* — *В.П.*)... И вот тогда мы обратимся к рабочим коллективам страны, которые еще не сказали своего слова, ко всем гражданам с призывом: «Отечество в опасности!» (См.: Демченко И. Дисциплина, рынок и ультиматумы // Известия. — 7 декабря. — 1990.)

Ультиматум стреляных воробьев военно-промышленного комплекса — это не голодовка студентов. Администрации предприятий (особенно промышленных предприятий) имеют реальную власть над своими рабочими коллективами. Эта власть — в системе жизнеобеспечения своих рабочих и служащих. Все необходимое для жизни человека — от зарплаты и премиальных до

квартиры и детских садов – создается и распределяется на предприятиях. Теперь же к этому добавляется дефицит продовольственный и промтоварный. (На КамАЗе, например, существуют талоны, по которым может отовариваться исключительно член трудового коллектива объединения. Реальным импортным порткам кто же предпочтет многолетнюю болтовню о свободе? Кстати, надо еще и знать, что это такое – «свобода».)

То, что заявление промышленников не пустые угрозы, проявилось в Свердловске уже спустя несколько дней после встречи директоров с президентом СССР. В столице «опорного края державы» могущественной группировке ВПК удалось блокировать предполагаемое повышение розничных цен на продукты питания, за которое высказался один из руководителей облисполкома.

Цены, понятно, устанавливаются рынком (черным ли или каким другим), и рост цен сегодня очевидный и, пожалуй, необратимый процесс. И действия городских властей – освободить цены, с тем чтобы увеличить возможность появления продуктов на прилавках. Однако развивший бурную активность президент Ассоциации госпредприятий СССР Тизяков поспел и здесь. Он даже предложил снять с работы заместителя председателя облисполкома.

Борьба директоров за интересы рабочего класса сопровождалась естественными для такого случая «обращениями трудовых коллективов», которые, как подчеркивает корреспондент «Известий», слово в слово повторялись: «Мы протестуем против превращения области в полигон для новых испытаний, а нас – в заложников экономического эксперимента». (См.: Тарасов А. Какими будут цены? // Известия. – 28 декабря. – 1990.)

Где выход? Какая общественная сила в состоянии противостоять этому процессу?

Казалось бы, антимонопольной политикой должны заниматься парламенты всех уровней, а прежде всего – союзный парламент. Это направление, наряду с формированием бюджета,

должно занимать главенствующее положение в его работе. (Проследите, однако, сколько времени было посвящено этому на многочисленных заседаниях парламентов и чему посвящена деятельность антимонопольных комиссий!) Наверное, это и забота профсоюзов как института защиты прав трудящихся от работодателя. Кажется, что этой проблеме должны уделять неослабевающее внимание все те возникающие партии и политические группы, которые претендуют называться (и называют себя!) «демократическими». Сюда же следует добавить нашу «демократическую» интеллигенцию: ученых, прессу, работников культуры.

Всякий раз, говоря о своей приверженности общечеловеческим ценностям, надо помнить, что одно из величайших достижений нашего века – это победа в цивилизованных странах (окончательная ли?) интересов среднего человека над интересами крупного капитала. Эта победа, кстати, не в последнюю очередь (а может, и в первую) стала возможной благодаря Октябрьской революции и тому общемировому резонансу, который она вызвала. Поэтому те общественные силы, которые претендуют на роль выразителя интересов среднего человека и выступают за гражданское общество, должны декларировать во всех своих документах и политических программах антимонопольный акцент без тени сомнения и без боязни быть занесенными в лагерь антирыночников.

Опасения последствий резкого введения рынка в стране не всегда продиктованы шкурническим желанием сохранить свое паразитарное существование. Например, некоторые писатели-деревенщики, занесенные в консерваторы и даже в идеологи «Памяти», чувствуют по-своему пульс страны и ее народа и по-своему страдают за него. Эти опасения нужно разделять с ними.

Искусство, кстати, в антимонопольной борьбе может сыграть выдающуюся роль. Достаточно вспомнить маленького героя великого Чаплина. Он, маленький и беззащитный средний американец, взывал к помощи и таки ее добился.

Но и парламенты, и действия демократов, и политических партий, и интеллигенции могут быть эффективными в антимо-

нополюной политике лишь при наличии в стране обстоятельств более почвенных и значительных.

Главное и решающее условие в антимонополюной борьбе – это человек-гражданин, наделенный всеми правами самостоятельного экономического и юридического субъекта, являющийся свободным производителем (предпринимателем), имеющий право (и возможность!) *экономического* и *политического* выбора и опирающийся на свой индивидуальный капитал. (Можно назвать это «частной собственностью», но *индивидуальный капитал* — это нечто большее.) Сумма индивидуальных капиталов в их переплетении и взаимосвязи составляет **общественный капитал и основу гражданского общества**.

Выход, таким образом, в безоговорочном развитии малого предпринимательства, как частного, так и коллективного, в устранении всех препятствий на пути его развития. Кооперация, малые предприятия, небольшие частные фирмы, индивидуальная трудовая деятельность, фермерство — все это, наряду с развитием сети кооперативных банков и с умеренной налоговой политикой правительства именно для этого сектора экономики, – позволит развиваться в короткие сроки слою мелких предпринимателей, которые в союзе с интеллигенцией смогут составить действительно демократический слой, призванный гуманизировать и демократизировать *и з н у т р и* нарождающийся рынок.

Создание новых общественных политэкономических структур с самыми различными фондами, с механизмами социальной защиты, с союзами и ассоциациями свободных производителей, свободных граждан, с обязательным подключением своих политических сил – от оформленных партий, претендующих на звание «демократических», до депутатских групп всех уровней – только это сможет обеспечить приоритет прав человека над интересами государственными. Это также гарант стабильности в стране и вместе с тем — **основа нарождающейся демократии**.

«Демократическая Россия», 5, 1991г.

О заседании Кабинета Министров СССР

На днях в Москве состоялось заседание Кабинета Министров СССР. В последний день его работы заседание вел сам Президент страны, который благословил министров и их премьера на активные действия по выводу страны из кризиса. «Действуйте, — сказал Президент, — и никого не спрашивайте, а то затянем». (*Программа «Время» от 15 мая 1991 г.*)

Накануне, как сообщает газета «Известия», Кабинет Министров положил конец «беспредметным дискуссиям о сроках и путях перехода к рынку». (*См.: Единые правила игры // Известия. — 14 мая. — 1991.*) В статье приводится отчет о высоком заседании, на которое, мне кажется, стоит обратить внимание и порадоваться за товарища Павлова, который все-таки решил действовать и «твердо стал на дорогу к рынку».

На заседании Кабинета была дискуссия, «ключевой вопрос» которой — кому же быть главным лицом создающегося рынка: Союзу, республикам, регионам, ведомствам или предприятиям? Дискуссия, видимо, не была излишне жесткой и на этот «принципиальный вопрос» дала «однозначный ответ»: хозяевами создающегося экономического пространства должны стать сами производители продукции — предприятия(!). При этом глава Кабинета репликой определил, какие именно предприятия: «Будем делать ставку на сильных. А они станут локомотивами, которые и потянут за собой весь состав». «А все, что не работает, — добавил премьер-министр, — надо просто отменить». (*Еще раз прочтите, но только с грузинским акцентом.*)

Пользуясь аллегорией товарищей из правительства, а они здесь почему-то всегда отдают предпочтение железнодорожному транспорту («*Наши паровоз...*», «*Наши бронепоезд...*», «*Локомотивы истории...*» и т.п.), — обращаю их внимание на то, что, кроме вагонов, есть еще и пассажиры. (*Помните реплики из повседневности — «Не дрова же везете!»?*) Так вот, некоторые

пассажиры, к сведению товарища Павлова, предпочитают другие вида транспорта (в условиях плюрализма действий и отсутствия скоростной ЖД) и поэтому уже давно находятся там, куда товарищ Павлов лишь намеревается направить свой состав в 1992 году. Я веду речь о кооператорах, арендаторах, фермерах, новых банкирах, частных бизнесменах, предпринимателях, работающих в малых и совместных предприятиях, и т.д. Всего этот слой насчитывает уже более сорока миллионов человек! Причем это активные и предприимчивые люди, которые живут не надеждой на «лучшее будущее», а тем, что производят продукт, являются собственниками, а не иждивенцами у обанкротившегося государства.

Предпринимательство существует уже четыре (!) года, и, если бы не вивисекции товарищей Рыжкова и Павлова, малое предпринимательство втянуло бы в рынок гораздо большее количество людей, а результаты деятельности были бы более успешными. И люди, работающие в новых для себя экономических условиях, возврата назад не мыслят даже в страшном сне, потому что они впервые стали хозяевами своего труда, своего продукта, своей жизни и свой социальный статус не поменяют даже на место в павловском купе. Они же — *гарант необратимости проводимых реформ.*

Не злорадствую, но убежден: у Павлова и его команды ничего не получится. Ничего! Как, впрочем, не получится ничего у тех, кто за Союзом, республиками, регионами, отраслями, фабриками и заводами не видит человека. «Производители продукции» — не предприятия и отрасли, а *люди*, работающие там, обладающие всеми правами самостоятельного экономического и юридического субъекта, обращающие свой индивидуальный капитал. Но для военно-промышленной автаркии и товарища Павлова, её представляющего, — это всего лишь те самые «дрова», которые по изъезженной колее можно везти куда угодно и как угодно. Доверие народа к своему правительству в этом случае было бы ханжеством, а без такого доверия мирные реформы невозможны.

«Провинциальный еженедельник “Континент”»,

19 мая, 1991 г.

О переименовании Ленинграда

В Ленинграде был трижды, и всякий раз — не более суток. Что же за это время можно увидеть, узнать, услышать о великом Городе? Только внешние беглые впечатления, не более. Но после каждого своего посещения Ленинграда я становился серым и угрюмым, не находя причины тому. После всё забывалось. В чем здесь дело?

Кажется, вот в чем. Я увидел в Ленинграде две жизни, две реальности, две истории. Они соседствовали, не конфликтовали (видимо, время вражды прошло), находились рядом, но каждая сама по себе, почти не соприкасаясь.

Помню, меня поразила памятник Екатерине Второй. Императрица гордо стояла в окружении своих некогда могущественных орлов, запорошенная снегом и загаженная голубями. Обходя памятник, я впервые в своей жизни ощутил ту дореволюционную Россию, с которой, кажется, было покончено окончательно и бесповоротно. Этот мираж пронесся и исчез. Затем он возникал еще не раз: у Зимнего дворца, на набережной Невы, на Фонтанке, у старых зданий на Невском и вокруг... И я увидел, что это вовсе не мираж, а реальность, но только застывшая, уснувшая летаргическим сном, законсервированная. (А если так, то остается надежда на то, чтобы осторожно разбудить, оживить эту реальность. Ничего подобного не ощущал в Москве или где бы то ни было.) Здесь же суежилась другая жизнь, другой мир. Не просто старое и новое, а *Одно* и *Другое*.

Так, в джунглях Индокитая стоят таинственные древние храмы, увитые лианами и покрытые мхом, а рядом спуют современные аборигены, никакого отношения к этим цивилизациям не имеющие и, собственно, внимания на них не обращающие.

Из тех городов, в коих бывал, только Париж сравним с Питером. Но Париж целостный, он весь дышит. Даже в Тюильри живут квартиросъемщики, а в квартире Робеспьера — обычная контора. Архитектура же Питера существует отдельно от текущей жизни. Её не оживляют, но лишь уродуют декоративные реставрации. Невский проспект кишит суетливыми людьми, но он мне кажется застывшим городским пространством.

Будете в центре Питера — приглядитесь. Вы увидите несоответствие архитектуры Города и его обитателей. Образ жизни ленинградцев иной, чем архитектура Петербурга, отразившая в камне образ жизни петербуржцев и прошлой России. Невыносимо наблюдать ленинградца, обнаруживающего в себе жителя Санкт-Петербурга. Это инопланетяне на выставке достижений народного хозяйства или, скорее наоборот, народные хозяйственники на иной планете. (Когда говорю о Ленинграде, в моем сознании возникает скорее Кирилл Лавров, чем Евгений Мравинский.)

Но стоит отъехать от центра города, на улицу Гаврскую, например, или куда-нибудь на улицу Маршала Казакова, — и все встает на свои места. От несоответствия не остается и следа, а на душе становится спокойно. Полная гармония архитектуры, людей и образа их жизни. Это и есть Ленинград. Такой же, как и остальная советская Россия, где хуже, а где лучше.

Для воплощения коммунистических идей в жизнь архитектура буржуазной России не предназначалась. Томас Мор и Томмазо Кампанелла для своих утопий строили проекты специальных замкнутых социумов типа «Города Солнца», и в этом они были правы, ибо предусмотрительно заботились о гармонии камня и жизни. Непоследовательность теоретиков коммунизма начала XX века в этом деле оказалась трагичной для городов, в данном случае для Петрограда и для его обитателей, ставших в 1924 году ленинградцами.

Теперь стоит вопрос о том, чтобы вернуть Ленинграду его историческое имя — имя святого Петра. Конечно, это будет справедливым, ибо свяжет это название ещё и с Петром Великим, основателем города.

Но дело еще в том, что и Ленинград — имя историческое. Не одно поколение родилось именно в Ленинграде, а трагедии этого города (сталинский геноцид, блокада, ждановщина) кровно связали миллионы людей именно с Ленинградом. Именно эта связь, а не престиж Владимира Ильича, самая мучительная проблема. Как здесь быть?

И кроме того, простым переименованием не вернешь утраченный образ жизни. Ленинградцы ещё долго останутся ленинградцами, прежде чем станут петербуржцами. Да и станут ли? Не будет ли к несоответствиям архитектуры и образа жизни добавлено несоответствующее название города? Не станет ли от этого еще хуже самим жителям города?

Впрочем, все это лишь размышления, возможно даже и лишние, поскольку в данном случае только ленинградцы (а не вся страна) должны все решить сами.

*«Провинциальный еженедельник “Континент”»,
22 июня, 1991 г.*

Удар по кооператорам

Совет Министров суверенного Татарстана принял постановление 281 от 26 июня 1991 года «О проведении аттестации малых и совместных предприятий, кооперативов и других аналогичных организаций, выполняющих проектные, изыскательные, строительные, ремонтно-строительные и реставрационные работы на территории Татарской ССР». Это заурядное, на первый взгляд, постановление может между тем уничтожить строительное предпринимательство в республике.

Совмин Татарстана постановляет образовать государственную комиссию и аттестовать все негосударственные строительные организации, чтобы «защитить интересы потребителей от некачественной проектно-строительной продукции, стимулировать здоровую предпринимательскую деятельность». Аттестация, которую предлагается проводить за счет аттестуемых организаций, является подготовкой к введению в суверенной республике системы государственного лицензирования. Теперь, чтобы построить коровник или сарай, аттестационная комиссия, к услугам которой вам потребуется прибегнуть, должна не только защитить вас от «нездоровой» предпринимательской деятельности, но и оценить «архитектурно-художественное качество» выполненных для вас работ.

Кроме этого, Совмин обязывает Госстрой Татарстана, исполкомы Советов народных депутатов в городах ТССР в срок до 31 июля создать рабочие комиссии «для рассмотрения материалов аттестуемых организаций, зарегистрированных на их территориях».

Далее Совмин республики предписывает «руководителям государственных организаций и предприятий» обеспечивать выделение «высококвалифицированных специалистов для формирования экспертных групп по заявкам рабочих комиссий». Их

финансирование производится опять же за счет аттестуемых организаций.

Любопытен и следующий пункт постановления: «Запретить государственным, коммерческим и акционерным банкам, начиная с 1 января 1992 года, производить оплату (!) проектно-изыскательских, строительных, ремонтно-строительных и реставрационных работ, выполняемых указанными организациями при отсутствии свидетельства об аттестации». По сути — это угроза подвергнуть аресту все средства кооператива.

Не трудно догадаться, кто вошел в состав госкомиссии при Совмине: зам. Предсовмина, председатель Госстроя республики, главные архитекторы городов, проектных институтов, начальники государственных строительных учреждений. Уж им-то известно, что такое «архитектурно-художественные достоинства», коими так богата наша архитектурно-строительная индустрия!

Если же говорить серьезно, то налицо насильственное сворачивание целого сектора альтернативной экономики на территории Татарстана – строительной кооперации, которая является серьезным конкурентом Госстроя и других государственных структур.

Учитывая, что исполнительная власть Республики Татарстан усилилась Президентом, дела по уничтожению среднего и малого предпринимательства, а вместе с ним и по сворачиванию основ демократического общества пойдут в республике более чем успешно.

«Деловой Мир», 164, 24 июля, 1991 г.

4 июля 1991 г.

Несколько строк о приватизации

Слово «приватизация» сегодня на устах не только у депутатов. Завороженный обыватель реагирует на это слово не только поворотом головы, но и шевелением серого вещества в оной. Ведь говорят и с трибун, и с газетных полос, и с телеэкранов, что «приватизация» коснется каждого, что предстоит даже раздача какой-то собственности, по праву народу принадлежащей. Квартиру, например, могут отдать, акции предприятия, на котором работаешь, или даже кусок земли во владение. Ну как здесь ухом не вести?

Где же такое было, чтобы при раздаче чего-нибудь не собиралась у нас толпа, не протягивала вверх руки, не ругалась: кому больше, лучше и т.д.? На раздаче — как на раздаче. Но до сих пор давали ведь по мелочам, да и то как бы не на совсем, не в собственность, а теперь-то речь идет о крупном: дом, земля, акции... Можно представить себе, какая ходынка случится. (Даже пословица истинно русская есть: *«Ходынкой началось, ходынкой и кончится»*.)

«Эх, заживем!» — закатывает глаза обыватель. Ведь из раба неимущего в одночасье превращаемся в собственника, в, страшно сказать, капиталиста. И это «высокое звание» готовы оправдывать и высоко нести, как несли до того высокое звание «социалиста». Маяковский был недалёковиден, пугая страну «мурлом мещанина».

Представьте, если бы у советского человека был свой автомобиль, персональный компьютер в домашнем рабочем кабинете, разные видео- и стереоаппаратуры, свой дом с гаражом, а еще и у жены машина, то неужели бы он пил, шатался без дела или просто давил диван «до и после полуночи»?

Конечно, нет.

Ведь немцу или шведу просто невозможно оказаться пьяным, без дела, без забот. Машина, компьютер, дом — все это человека дисциплинирует, организует, мобилизует. Он — собственник, а значит, ответственен, он думает о том, как к этой собственности прирастить новые капиталы.

Основываясь на этом, политики и экономисты рассуждают: вот и надо «наделить» человека собственностью. А там уж пойдет-поедет, заработают инстинкты воспроизводства и накопления, станет человек свое добро приумножать да и власть, которая ДАЛА, будет чтить до гроба (своего, не власти конечно). Так вот мы и втянем людей в рынок.

Но вот кто-то высказывает свои сомнения, «не верит в народ», в его «духовную силу и моральные ценности».

Не оттого немец и швед собственник, что у них есть автомобиль, дом и гараж, а как раз наоборот: все это у него есть, потому что он собственник и капиталист. И «наделили» его не собственностью, а *правами собственника*, правами самостоятельного экономического и юридического субъекта и гарантией соблюдения этих *Его* прав *Его* государством.

Я представляю себе толпы собственников после проведения приватизации, которые носятся со своим добром, не зная, куда его деть, не то чтобы как приумножить. Вижу, как в условиях обнищания, безработицы у людей не останется ничего, кроме этой приватизированной собственности, и тогда люди будут стремиться превратить эту собственность в товар, в единственный свой товар. И я не уверен, что куску неухоженной собственной земли такой человек не предпочтет бутылку «Столичной».

Мы должны обеспечить нашего человека прежде всего правами, опираясь на которые он смог бы стать собственником, смог бы заработать, накопить, приумножить. Без этих прав он по-прежнему мертв как личность, и, даже если ему достался жирный кусок после «приватизации», он будет намного беднее нищего в парижском метро. Ведь кто *дает*, тот вправе и забрать.

Спросите у предпринимателей, у самых деловых и энергичных людей страны, каково даже им быть собственниками,

сколько проклятий в день они сыплют на головы налоговых инспекторов, местных чиновников из исполкомов, министров, депутатов, президентов, сколько раз в день повторяют — «Ну как жить в этой стране?». И давно бы побросали они свои дела, свои капиталы, свою собственность, если бы только эта собственность была не ими заработана, накоплена, выстрадана, если бы досталась им просто так, в процессе «приватизации».

В вопросе приватизации опрометчиво опираться на зарубежный опыт. Наша страна, сегодняшнее её состояние аналогии не имеет. Человек наш, отчужденный десятилетиями от средств производства, от продукта, от остального мира, — обладатель униженной рабской, иждивенческой психологии. Игнорирование этой реальности (в духе «Мы все сможем, чем мы хуже?») может самым трагическим образом отразиться на дальнейшей судьбе страны. Мы должны нашему человеку дать возможность научиться зарабатывать, приумножать, строить, мы должны помочь ему с созданием механизмов воспроизводства его накоплений, с принятием соответствующих законов, чтобы он смог интегрироваться в новую и неведомую для себя жизнь не с охапкой свалившейся на него собственности, а с гарантированными правами Человека и Гражданина. С этими правами он обретет все!

*«Провинциальный еженедельник “Континент”»,
25 июля, 1991 г.*

6 июля 1991 г.

Корпорация нам поможет

В шумной гонке за право быть в первых рядах демократического движения уже никто и не вспомнит о судьбе кооперации, о тех, кто еще с начала 1987 года приступил к созданию альтернативной экономики и кому первому принадлежит честь «хождения во власть» (от слова «владеть»). А ведь в демократическом обществе роль малого бизнеса едва ли не решающая.

Не поддержанные в свое время либеральной интеллигенцией и общественностью, кооператоры приступили сами к созданию собственных структур и преуспели в этом. Они создали альтернативный государственному сектор экономики и реальные предпосылки для зарождения демократического слоя, способного не только материализовать идеи рыночной экономики, но и гуманизировать переход к ней.

Кооператоры учредили свои универсальные кооперативные банки. И хотя не удалось до сих пор создать кооперативную банковскую систему, новые банки обслуживают именно предпринимателей, осуществляют самые различные операции и составляют основу нарождающегося финансового капитала в альтернативной экономике.

Согласуясь со всеми законами экономики и рынка, стал развиваться торговый капитал. Сеть торгово-закупочных кооперативов если и не покрыла страну, то доросла до таких масштабов и достигла такой эффективности, что стала вытеснять госторговлю и угрожать государственной монополии на механизмы распределения продукта. Именно это и послужило главной причиной тотальной войны госаппарата против торгово-закупочной кооперации.

Не ограничиваясь лишь производственной и финансовой деятельностью, кооператоры материально поддерживали первые

очаги организованных политических акций, занимались благотворительной деятельностью, вкладывали деньги в науку, понимая, что это является необходимым условием для своего воспроизводства.

Кооперативные организации вели также свою избирательную кампанию по выдвижению кандидатов в народные депутаты СССР. Закончилась она безуспешно, и кооперативный сектор не был представлен в высшем законодательном органе до того момента, пока в июне 1989 года кооператоры не создали Союз объединенных кооперативов СССР с Владимиром Александровичем Тихоновым во главе.

Но главное: кооперативное движение показало всем, что созидательный генофонд в нашей стране неистребим. (Видимо, также как неистребимо в нашей стране стремление большей части людей к «равенству в нищете».)

В свое время историки напишут о разгроме кооперативного движения, о роли в этом правительств Рыжкова и Павлова, госчиновников, центральных и местных, благо материалов по этому разгрому предостаточно, и находятся они не в спецхранах.

Сейчас кооперативного движения как такового попросту нет. Многие кооператоры, не выдержав произвола властей и непосильной налоговой политики, закрыли свои дела. Часть из них ищут удачу в малых и совместных предприятиях, в новых экономизированных структурах, словом, приспособляются к внедряемому «сверху» рынку. Исчезают или распадаются союзы кооператоров, областные и городские кооперативные ассоциации. В одних случаях они не могут более обеспечивать кооператорам экономическую и социальную защиту, в других, являясь ставленниками исполкомов, потеряли поддержку и авторитет у предпринимателей.

Не самые лучшие времена переживают и общесоюзные кооперативные организации. Следы некоторых из них затерялись вовсе. Что касается Межрегиональной кооперативной федерации, созданной еще в августе 1988 года, то мы также чувствуем по своим связям с предпринимателями, по проводимым

конференциям, что время общественных предпринимательских организаций прошло. (В лучшем случае эти общесоюзные организации должны быть реорганизованы с учетом глобальных политических преобразований в стране.)

Вчерашние лидеры нарождающегося рынка в мгновение ока стали его аутсайдерами. Несмотря на природный ум и предпринимательские способности (попробуйте 3 года просуществовать в кооперации и пережить Рыжкова, Лигачева и Полозкова!) им не под силу тягаться с такими «социалистическими» предпринимателями, как, например, товарищи Кравченко, Вольский или Каданников. Карликовые кооперативные банки, эти островки демократической финансовой системы, несмотря даже на свою относительно успешную деятельность, могут ли конкурировать с преобразовавшимися государственными монстрами со стартовыми капиталами в сотни миллионов рублей?

Малому предпринимательству не стоит рассчитывать на помощь со стороны Запада в виде инвестиций или кредитов. В обсуждаемых экономических программах, призванных вывести страну из кризиса, предпринимателям, уже более 4-х лет живущим в рынке, практически не отводится никакой роли. Эти программы начинаются как бы с нуля. А ведь логично было бы оказать помощь именно тому единственному сектору советской экономики, который на фоне государственного краха все же достиг немалых успехов.

Уже не спасет малый бизнес и его так называемая «политизация». Безусловно необходимая для политического представительства в органах власти на всех уровнях (а здесь я отдаю предпочтение Партии свободного труда во главе с талантливым московским предпринимателем Игорем Коровиковым), — политизация тем не менее не сможет обеспечить малому предпринимательству непосредственной экономической и финансовой устойчивости.

Период подавленно-открытой инфляции и жесткого правительства не может продолжаться бесконечно. Неизбежное открытие рыночных «шлюзов» при вступлении экономики в ги-

перинфляцию может привести к элементарному поглощению малого бизнеса крупными государственными монополиями.

Поскольку «в рынок» устремились сегодня буквально все (те, кто его отвергал, пожалуй, активнее других), и прежде всех — крупные государственные структуры, поскольку правительством и его премьером делается ставка именно на формирование «сильного» государственного рынка, о чем Валентин Павлов недвусмысленно заявил на совещании Кабинета Министров 13-15 мая, сказав буквально: *«Мы будем делать ставку на сильных»* (а мы то не знаем, кто у нас в стране «сильный»), — перед предпринимателями прежде всего встает вопрос экономического выживания, обеспечить которое возможно лишь внутри собственных экономизированных структур.

Вышесказанное убеждает нас в том, что малому предпринимательству, к которому мы относим кооперацию, малые предприятия, индивидуальный сектор, фермерство, кооперативные банки, уже недостаточны существующие общественные структуры. Для них недостаточны объединения на идейной и нравственной основе. Нужны гораздо более прочные, более обязывающие и более почвенные связи. Скорее всего, это должны быть структуры, которые могут позволить их участникам выступать на формирующемся рынке в качестве совокупных товаропроизводителей, одновременно сохраняя их финансовую и экономическую самостоятельность.

Выход в том, чтобы малому бизнесу немедленно переходить (кто еще не перешел) к новым организационным формам, именно к корпоративным — как к наиболее устойчивым, гибким и обязывающим.

Корпорация — утилитарная для её акционеров организационная форма. Она создается для оказания максимальной помощи и поддержки тем, кто находится внутри корпорации. Принцип корпоративности: режим наибольшего благоприятствования для членов корпорации.

Четырехлетний опыт кооперативного движения и трехлетний — существования кооперативных структур убеждают нас в целесообразности создания закрытых корпораций с акцио-

нерной формой объединения капиталов. Это обусловлено прежде всего высокими организационными требованиями и необходимостью в гораздо большей экономической и финансовой культуре, чем та, которой обладают сегодня большинство представителей малого бизнеса у нас в стране.

Корпорация малого бизнеса должна включать в себя все виды капиталов – производственный, торговый и финансовый, – для того чтобы умело и качественно вести свое воспроизводство. В корпорации должны быть все элементы цивилизованной рыночной инфраструктуры — банк, страховая и лизинговая компании, торговая сеть, транспортная структура. Корпорация должна иметь собственную информационную сеть, газеты, журналы, издательства, для проведения рекламных, агитационных и политических кампаний, а также квалифицированную юридическую службу и собственную адвокатуру.

География корпорации неограничена. Наиболее выгодным для устойчивости корпорации нам представляется межрегиональный принцип формирования.

Корпорация всегда готова предоставить свои интеграционные механизмы по воспроизводству и накоплению *общественного капитала* для коллективов и отдельных частных лиц, готовых войти в акционеры корпорации и признающих ее принципы.

За годы работы в условиях рынка каждый предприниматель определил для себя круг надежных деловых партнеров, с которыми его объединяет корпоративный дух взаимодоверия и поддержки. Предприниматели из этого круга могут стать основой корпорации и её учредителями. Корпорации могут возникнуть на базе существующих кооперативных союзов, ассоциаций и федераций.

Учредители корпорации, они же — совет директоров, должны иметь безупречную репутацию в мире предпринимательства, опыт участия в кооперативном движении и достаточно мощный производственный, финансовый или интеллектуальный потенциал, позволяющий им участвовать в корпорации. Интере-

сы корпорации кровно связаны с интересами возглавляемых ими собственных предприятий и взаимозависимы.

Регистрируются корпорации — как юридические субъекты — в тех городах и регионах, где существует относительная политическая стабильность, где есть поддержка предпринимательства на уровне областных или городских властей, где существуют депутатская поддержка и серьезная демократическая пресса (именно это и есть дело партий с претензией на демократические).

Учредители и акционеры корпорации при необходимости проводят работу по организации филиалов корпорации на территории своих городов и регионов, создают филиалы и конторы Главного корпоративного банка, филиалы страховой компании, корпункты корпоративного издания, филиалы благотворительных фондов и другие механизмы, необходимые для эффективной деятельности корпорации. Каждый из филиалов в любой момент должен быть готов взять на себя функции Главной конторы. Между учредителями корпорации существует устойчивая связь.

Символика, товарный знак корпорации, принципы и традиции корпорации, а также ее табу — выполняются и соблюдаются всеми членами корпорации. Авторитет корпорации распространяется на всех ее членов и всеми членами корпорации зарабатывается.

Все изложенное выше не является претензией на *know-how*.

В огромной, многосложной стране подобного рода организаций может быть тысячи и десятки тысяч. Каждая из них может отличаться, иметь собственные принципы и интересы. Но именно в таких организациях видится мне будущее предпринимательства. Эти экономизированные структуры, в которых каждый коллектив и каждый частный предприниматель является собственником, владельцем и производителем продукта, — могут гуманизировать переход к рынку тем, что снимут острейшую проблему физического выживания (а не так называемой

«занятости») миллионов людей, оставленных государством на произвол. Эти структуры, экономически и финансово самостоятельные, будут объединены *интересом среднего человека* и, опираясь на демократическую интеллигенцию, тем самым смогут противостоять новому государственному монополизму, формирующемуся сегодня на базе тотальной капитализации госсектора.

«Деловой Мир», № 167–168, 27 июля, 1991 г.

12 августа 1991 г.

Что такое сверхнаглость?

Какие только бумаги не спускаются «сверху» предпринимателям! Не десятки – сотни всевозможных инструкций, циркулярных писем, указаний, распоряжений... Успевай разбираться и вовремя реагировать. Но вот пришла бумага, которая заставила вспомнить старую детскую шутку...

Вопрос: Что такое «сверхнаглость»?

Ответ: Это когда идет один человек по улице, а к нему подходит другой, снимает с него шляпу, плюет на голову и спрашивает: «Ты не обиделся?»

Вот это-то и называлось когда-то «сверхнаглостью».

Иные времена, иные нравы.

10 августа городская газета опубликовала на первой полосе отчет о встрече коммунистов города Набережные Челны с секретарем Татарского рескома КПСС товарищем Галеевым под простым заголовком «В защиту интересов людей». Обстоятельный разговор о «позиции рескома в решении самых злободневных проблем» показывает, что секретарь обкома с честью выполняет июльское постановление Секретариата ЦК КПСС «О необходимости усиления борьбы с преступлениями в сфере экономики».

Среди разных диковинных вещей, высказанных оратором-коммунистом (подчеркиваю – коммунистом), было и такое:

— Ведь не секрет, что сейчас появился криминогенный класс предпринимателей, началась дикая приватизация, которую поддерживают российские законы.

Не было бы в сказанном выше ничего особенного, если бы не одно обстоятельство: в этот же день коммерческие и кооперативные банки республики Татарстан получили письменное указание открыть на балансовом счете 700 текущие счета неизвестного доселе *Фонда солидарности коммунистов*.

«Прием средств, порядок и сроки перечисления остатков субсчетов, — говорится в указании, — производятся применительно к счетам Советского фонда мира».

Основание «указания» — телеграмма Союзгосбанка №96/5 от 26 июля 1991 г., а подписано указание и.о. начальника Главного управления Росцентрбанка по ТССР В.Петровым.

Это весьма оригинальное указание вызывает не только недоумение, но и вопросы.

— Во-первых, на каком основании Союзгосбанк и Центрбанк РСФСР дают указания об открытии текущих субсчетов в коммерческих и кооперативных банках одной из десятков политических партий страны?

— Во-вторых, достаточны ли полномочия Союзгосбанка для того, чтобы Фонд солидарности коммунистов был приравнен к Советскому фонду мира, и не значит ли, что на этом основании «пожертвователи» в упомянутый «благотворительный» фонд не будут облагаться налогом? Или положение коммунистов сегодня такое же, как, скажем, положение сирот или инвалидов?

— В-третьих, не является ли это указание наспех сверстанной акцией по спасению, а также выгодному и надежному размещению «департизированных» средств?

Напрашивается и еще один вопрос: известно ли данное указание Союзгосбанка Центральному Банку РСФСР и президенту России? Если нет, то мы вправе предположить, что Бориса Николаевича окружают либо плохие советники, либо хорошие плуты.

Ну а сверхнаглость состоит в том, что в данном случае указание разместить текущие субсчета *Фонда солидарности коммунистов* дается коммерческим и кооперативным банкам, которые и представляют собой оплот того самого «криминогенного класса предпринимателей», которым коммунисты типа секретаря Татарского рескома пугают людей и против которого Секретариат ЦК КПСС издает специальные постановления.

Что, в сравнении с этим, безобидный плевок на голову прохожему?

12 августа 1991 г.

Кооперативное лобби

Одна из основных причин, сдерживающих развитие свободного предпринимательства, — это отсутствие его полномочных представителей в высших законодательных органах страны. Парламентские дебаты о «правовом государстве» и «демократическом обществе» обходятся без участия в них представителей нарождающегося слоя, призванного стать основой демократии в нашей стране.

Вины предпринимателей в этом не много. Еще осенью 1988 года первые кооперативные общесоюзные организации вели подготовку к выборам в Верховный Совет СССР, имели свои избирательные комиссии, утвержденные высокими кооперативными съездами списки кандидатов в народные депутаты, среди которых были не только наиболее авторитетные представители кооперативного движения, но и признанные деятели набравшего тогда силу демократического движения. На шумных съездах кооператоров господствовала иллюзия, что уж из сотни депутатских мест, отведенных «кооператорам» (Центросоюзу и колхозникам), хотя бы десяток достанется им.

Однако у организаторов будущего союзного парламента планы были иными: председатели колхозов и коллеги товарища Федирки должны были составить гарантированное основание «агрессивно-послушного большинства» на съезде Советов. Имея в руках такой инструмент, как Центризбирком с его «добросовестными» чиновниками, эта затея удалась на славу. Ни Межрегиональная кооперативная федерация, ни ассоциация «Россия», успевшие зарегистрировать свои избирательные документы, не получили депутатских мандатов на том основании, что Минюст признал эти организации неполномочными. (См.: *Готовят выборы // Московские Новости. — №2, 8 января. — 1989.*) Закон, как

всегда, восторжествовал: в парламенте были представители от того, от кого положено, включая дизайнеров и филателистов.

Целый же социальный слой, находящийся на самом острие решения основного вопроса реформ — вопроса собственности, — остался без своих представителей. При этом находились циники, которые обвиняли тех немногих депутатов, подававших свой голос в защиту предпринимателей от драконовских законов, в принадлежности к «кооперативному лобби».

Прошло с той поры два с половиной года.

Страна находится в преддверии подписания Союзного договора, который изменит всю политическую карту страны. Изменяются не только функции центральных органов власти, включая законодательные, но и произойдет их смена, то есть будут новые выборы в союзный и республиканские парламенты.

Кем и как будут представлены в этих парламентах предприниматели?

И далее: поскольку вопрос о том, входить или не входить в рынок, — решен, то сам парламент, вероятно, уже будет преимущественно «рыночным».

Но существует другой коренной сегодня вопрос: в какой именно рынок входит страна?

Или это государственный рынок, к которому будет допущен лишь капитализирующийся сегодня госсектор в виде акционерных промышленных монополий типа *КамАЗа*, *ВАЗа* и т.п., или же будет демократический рынок, где самостоятельным экономическим и юридическим субъектом выступают граждане? По сути, вопрос о том, каково направление развития страны: тоталитарное или демократическое? И это, может быть в решающей степени, будет зависеть от того, каким потенциалом будут располагать в парламентах представители двух рыночных направлений.

Ответ однозначен: если рыночные силы будут представлены в высших законодательных органах лишь «предпринимателями» от товарищей Вольского, Тизякова или Бунича, ника-

ких интересов малого и среднего предпринимательства они защищать на станут, сколько бы в их словах ни было сетований о необходимости свободного предпринимательства. Их интересы – интересы крупных государственных предприятий, того самого монополизма, который составляет основу нашего отечественного Левиафана. Малый и средний бизнес будут рассматриваться и впредь в качестве вспомогательного звена крупного бизнеса. Как средство для латания дыр в скудных бюджетах республик, областей и городов, он, наряду с коммерческими и кооперативными банками, будет отдан на произвол местным чиновникам. Таким образом, формирование среднего слоя как основы демократии в нашей стране будет и впредь тормозиться.

Напротив, участие представителей малого и среднего бизнеса в предстоящей избирательной кампании позволит выдвинуть в законодательные органы людей, способных отстаивать интересы кооператоров, фермеров, малых предприятий, частного сектора, а также такую важную для развития альтернативной экономики область, как независимые банки.

Разумеется, что эффективно работать в парламенте, а также в его комиссиях смогут только исключительно компетентные люди, знающие предпринимательство изнутри: политики, экономисты, юристы, финансисты, могущие не только быстро оценить тот или иной законопроект, спроецировать его воздействие на развитие предпринимательства, но способные убедительно доказывать свою правоту, влиять на ход заседаний съезда или сессий. Такие люди в предпринимательском движении есть. И, между прочим, побольше, чем где бы то ни было, поскольку борьба за выживание выдвигает таких деятелей в каждой серьезной предпринимательской структуре.

Кстати, опыт участия кооператоров в деятельности местных Советов показывает, что даже несколько авторитетных предпринимателей-депутатов, при умелой и грамотной политике, могут добиваться многого в деле защиты предпринимателей своего района или города. Об этом же говорит опыт участия в союзном парламенте народного депутата СССР В.А.Тихонова. Даже он один, при весьма вялой поддержке демократически на-

строенных парламентариев, смог влиять на законотворческую политику в отношении предпринимательства.

Другой, однако, будет обстановка в будущем парламенте. Как я уже отмечал, конкуренция там может происходить не между *рыночниками* и *антирыночниками*, а между разными подходами к рынку. Здесь-то и важно участие представителей от всех тех форм хозяйствования, которые призваны демократизировать нарождающийся рынок: от кооператоров, работников акционерных предприятий, обществ с ограниченной ответственностью, частного бизнеса, банкиров. При поддержке прогрессивных депутатов и депутатских групп они смогут составить серьезную силу в будущем парламенте, которая заставит с собой считаться.

Для того чтобы избирательная кампания велась целенаправленно и успешно, уже в ближайшее время представители малого и среднего бизнеса должны разработать стратегию и тактику своих действий. Необходимо организовать встречу руководителей всех предпринимательских структур общесоюзного и республиканских уровней, руководителей союзных и республиканских банковских организаций.

Полагаю, что инициатором этой акции должен стать Союз объединенных кооперативов СССР во главе в В.А.Тихоновым. Целесообразным может стать присутствие на этом совещании лидеров тех политических партий и движений, которые связывают свою деятельность с развитием предпринимательства.

«Деловой Мир», 31 августа, 1991 г.

Политические бури: удары по стабильности

31 августа в Москве у Белого дома Правительства России состоялся праздничный концерт в честь победы сил демократии над силами реакции. Один из участников этого концерта, именуемый в иных кругах как «князь русской песни», — Игорь Тальков, после баллады об изгнании из нашей жизни Сатаны, поздравил публику с наступлением «новой эры».

Ну а как эта «новая эра» отразится на предпринимательстве, точнее, на малом и среднем бизнесе, судьба которого мне особенно дорога, ибо именно с этими видами предпринимательства связано формирование среднего слоя — основы демократического гражданского общества? Что, собственно, изменилось после подавления путча, изменилось ли вообще и если изменилось — то к лучшему ли?

Осознание и понимание новой политической реальности — задача очень непростая, если не поддаваться на соблазны выговориться скороговоркой, «с расчетом на первый ряд», поздравить нашего брата-предпринимателя с победой и призвать — «За работу, господа!».

Первое, что необходимо учитывать предпринимателям, это то, что политическая ситуация в стране не меняется и не будет в ближайшие месяцы меняться в сторону стабилизации. Быть может, самый большой вред от путча — это резкий разрыв тех, пусть слабых, иллюзорных, ремней, которые все же как-то приводили хозяйственную систему страны в какое-то движение. Заменить их должны были складывающиеся новые экономизированные структуры, создание которых в огромной стране дело непростое и небыстрое. То есть августовские события породили еще большую дестабилизацию, чем была до того, а надвигающиеся осень и зима заставляют тех, у кого оказалась власть (или осталась власть), вспоминать старый испытанный метод — метод чрезвычайщины. Происходящая на разных горизонтах власти

миграция иерархий, конечно же вынужденная, не самая подходящая процедура в настоящее смутное для экономики время. Естественно, что время это – не самое лучшее (точнее – самое худшее) для развития малого и среднего бизнеса. Худшее в том смысле, что политики самого разного уровня (демократы ли, консерваторы) не станут рисковать и испытывать судьбу в сложившейся ситуации; они будут проводить осторожную экономическую политику «до лучших времен», руководствуясь так называемой «брестской психологией»: пожертвуем малым ради большого.

Такая политика, пока она будет господствовать, не даст развиваться нормальному предпринимательству, не позволит осуществиться ни экономическим программам, ни практикам *тумановым*, ни теоретикам *явлинским*; при этом будут потирать руки лишь «идеологи чрезвычайки» типа Кургиняна. Почва для их идеологии остается более чем благоприятной.

Второе. Это то, что именно сейчас со всей очевидностью стала сказываться известная болезнь демократов: общая недооценка экономических факторов в политических преобразованиях, что давало вполне резонный повод говорить о демократах лишь как о либералах или ставить слово «демократ» в кавычки. Достаточно сказать, что предпринимательские структуры, особенно структуры малого и среднего бизнеса, не были интегрированы в демократические общественные движения и имели лишь эпизодические, главным образом символические отношения. (Например, ни на одном съезде представителей новых независимых банков – начиная с 1989 года – не было ни одного представителя от какого-либо политического движения: скучно.) Зато демократы без помех дали пополнить свои ряды представителям крупного капитализирующегося госсектора с Аркадием Вольским во главе. Не оттого ли возникший в Москве конфликт мэра с предпринимателями выглядит не таким уж неожиданным, хотя для предпринимателей обидным. Ведь кооператоры, многие из которых воспитаны на книгах Г.Х.Попова, в свое время даже пытались выдвинуть его в Верховный Совет

СССР именно как представителя новой кооперации. Что же говорить тогда о провинции, где к предпринимательству отношение властей не поколеблет даже десяток путчей, подобных происшедшему! А вот антипредпринимательские почины Моссовета всегда находили многочисленных последователей со стороны исполнительной власти на местах.

Учитывая, что ситуация в целом по стране не лучше, чем в пределах Московской кольцевой дороги (идет битва за урожай, подготовка к зиме), многие городские власти принимают решения о привлечении предпринимателей к сельхозработам в тех самых колхозах, преимущество которых так усердно (в последний раз с помощью танков) доказывал нам всем товарищ Стародубцев. То есть представителям малого и среднего бизнеса по-прежнему не стоит питать особых иллюзий в лояльности к ним со стороны властей.

Третье. Сейчас идет речь об инвестициях в нашу экономику со стороны развитых стран. Составляются программы, вырабатываются «комплексы мер» и т.п. Это великое дело, ибо без такой помощи наша страна может не выбраться из положения, в какое попала. Но найдется ли при этом место для малого и среднего бизнеса? Не будут ли эти инвестиции поглощены молохом ВПК, заgrimированного под нечто более либеральное? Ведь спросили у президента Научно-промышленного союза Аркадия Вольского: «А если добрые дяди из других стран прольют на нас валютный ливень?»

И предприниматель-демократ Вольский ответил: «Тогда мы прикупим металл для заводов, нити для ивановских ткачей, оборудование, кабель, провода...» (См.: // *Известия*. – 28 июня. – 1991.)

Полагаю, что этот ответ не нуждается в особом комментарии. Но при этом, пожалуй, стоит вспомнить, что президент США, выступая перед предпринимателями нашей страны во время своего недавнего визита, высказал чрезвычайно важную озабоченность и отметил, что ему небезразлично, в какой именно рынок входит наша страна. Конечно же, его, президента де-

мократической страны, прошедшей в свое время через горнило антимонопольной борьбы, устраивает демократическое направление складывающегося в СССР рынка. Именно туда следовало бы направлять инвестиции. Однако, как показывает сложившаяся ситуация, о таких инвестициях малому бизнесу остается лишь мечтать, полагаясь на возможные крохи со стола крупных государственных монополий. Но даже и в этом случае у правительства, насколько мне известно, пока нет специальной государственной программы по развитию малого и среднего бизнеса и инвестированию в него, а у самих предпринимателей всюду идут структурные перестройки (в связи с глобальными политическими изменениями), не позволяющие определиться: кто станет гарантом от банкротства? кто возьмет на себя функции распределителя кредитов? кто будет поручителем? и так далее...

Словом, надежды на зарубежные инвестиции у представителей малого и среднего предпринимательства должны быть сдержанными.

Четвертый важный момент: капитализированный госсектор получил после ухода с главной государственной сцены реакционеров-антирыночников «зеленую улицу» для своего развития. При относительно неплохих стартовых условиях (наличие государственных программ, влиятельного лобби на всех уровнях законодательной и исполнительной власти; уже достаточно развитые внешнеторговые структуры; поддержка влиятельного директората и собственных коммерческих банков с миллиардными капиталами; наконец, достаточно устойчивая номенклатурная связь, переросшая в корпоративную) это выливается в оформление новых монополий, не оставляющих малому предпринимательству практически никаких шансов не то чтобы представлять конкуренцию, но просто сносно существовать. Малый бизнес может быть либо интегрирован в эти монополии (поглощен ими), сообразуясь с жесткими законами рыночной экономики, либо отдан на милость местным органам власти (советам, исполкомам, мэриям, каганатам и т.п.) для формирования местных бюджетов и «расширения узких мест».

Такая перспектива грозит торможением оформления демократического слоя в нашей стране и установлением новых тоталитарных структур на базе крупного монополистического капитала. Таким образом: малый бизнес вплотную связан с глобальными политическими проблемами страны, и не только нашей.

К четырем изложенным выше факторам, отягощающим жизнь предпринимателям, можно добавить еще и еще: все они свидетельствуют о том, что жизнь малого и среднего предпринимательства после августовских событий не станет легче.

Что делать? И как быть?

Если вести речь о государственной политике в отношении малого и среднего бизнеса, то таковой попросту пора быть. И то новое правительство, которое формируется сегодня на союзном, российском уровне, конечно, должно иметь соответствующую программу, иначе оно не будет в этом отношении особенно отличаться от своих злополучных предшественников. Эта программа включает в себя весь спектр проблем, которые связаны с развитием малого бизнеса, в том числе банки, инвестиции, внешнеэкономическую деятельность и прочее.

На государственном же уровне, разумеется с самым непосредственным участием самих предпринимателей, должен быть образован Государственный комитет по развитию малого и среднего предпринимательства, осуществляющий выполнение программы и для этого связанный с предпринимательскими структурами страны, координирующий их действия, вырабатывающий экономическую стратегию, прогнозирующий ситуацию. Для этой работы комитет должен опираться на профессиональных специалистов в области развития предпринимательства: экономистов, юристов, а также самих предпринимателей из разных отраслей бизнеса. Небольшой, но независимый исследовательский центр в этом случае – то, что нужно.

Законодательная политика осуществляется через парламентское лобби в Верховных Советах республик, где предприниматели могут быть представлены теми партиями, движениями

и организациями, которые претендуют называться демократическими, а также акциями соответствующих рабочих в комиссиях по подготовке законов.

Мне кажется, что, кроме вышеизложенного (а детальной разработкой идеи стоит заняться отдельно) плюс обеспечения стабильности и законности в стране, от государства предпринимателям более ничего и не нужно. Все остальное предстоит сделать собственными силами.

Сами же представители малого и среднего бизнеса (мы относим к ним главным образом частный бизнес, кооперацию, малые предприятия, общества с ограниченной ответственностью, кооперативные и независимые коммерческие банки) найдут приемлемые и выгодные формы для своего развития, наиболее эффективная из которых – *корпорация*. Корпорации малого и среднего бизнеса, которых на огромном экономическом пространстве должно быть великое множество, будут являться таким именно гибким и мобильным инструментом, который позволит его участникам выступать на формирующемся рынке в качестве совокупных товаропроизводителей, одновременно сохраняя их финансовую и экономическую самостоятельность. Такие экономизированные структуры должны заменить существующие союзы и ассоциации предпринимателей, общественный статус которых уже недостаточен для развития полноценного бизнеса.

Предпринимателям необходимо ускорить работу по созданию своих корпораций, чтобы обрести финансовую устойчивость от гиперинфляции и от опасности поглощения крупным бизнесом. В остальном советчиков предпринимателям не нужно. Все дело в качественной продукции и в превращении ее в товар.

Выше уже отмечалось, что на уровне государственном вопрос борьбы рыночников и антирыночников решился в пользу первых. Не берусь утверждать, что необратимо, но все же у противников рынка сегодня аргументов не много. Но вслед за этим встает проблема: *в какой именно рынок идет страна?* И во мно-

гом она будет решаться в зависимости от того, представители какого направления доминируют в государственных органах, а в первую очередь – законодательных. То есть если и грянет политическая борьба в будущем парламенте России или Союза, то это будет парламентская борьба между рыночниками за «свой» рынок, а именно — борьба за *монополистический государственный или демократический рынок*.

Эта новая политическая реальность, возникшая после ухода с политической арены ортодоксальных антирыночников, заставляет предпринимателей всерьез вернуться к вопросу о политизации своей экономической деятельности и определиться, в чем именно она будет выражаться и чем отличаться, скажем, от политизации кооперативного движения в 1988-1989 годах. Политизация предпринимательства в новых условиях – тема специальная, мы лишь обращаем на нее внимание.

Из всего следует, что «новая эра» для предпринимательства еще не наступила, напротив, для того чтобы продолжить свое существование, предстоит серьезно и вдумчиво работать, соединяясь своими знаниями и опытом, финансами, фондами, важно искать формы для совместных производств, набирать как можно скорее обороты.

Представители малого и среднего бизнеса были пионерами возрождающихся рыночных отношений и мечтали о времени, когда рынок в стране станет реальностью. Теперь предстоит в этой стихии выжить и стать мощной социальной силой, формировать средний слой граждан-собственников, который сможет стать гарантом от того, что случилось в августе.

«Деловой Мир», 16 сентября, 1991г.

Как славно быть ни в чем не виноватым, или телеграммы от тов. Галимова

За несколько дней до переворота банки суверенного Татарстана получили телеграмму—указание, подписанную товарищем Галимовым, которая предписывала банкам открыть субсчета для только что созданного Фонда солидарности коммунистов. Инициатива, точнее, приказ шел «сверху», и товарищу Галимову, как добросовестному исполнителю, ничего не оставалось (мы люди маленькие...), как делегировать указание «вниз», т.е. на места. Особое удивление эта телеграмма вызвала у работников кооперативных и коммерческих банков. Ведь в данном случае банкирам предлагали хранить и приумножать деньги той самой партии, которая считает предпринимателей криминогенным слоем...

Еще через пару дней товарищ Галимов переадресовал в банки телеграмму, текст которой банкиров уже не удивлял: впопору было просто закрывать банки, а вместе с ними все предпринимательство, ибо запрет выдачи наличных денег (а именно об этом шла речь) ставил крест на дальнейшем развитии рынка. Именно тогда банкиры отметили (пока только для себя): что-то там «наверху» готовится недоброе. Это самое «недоброе» последовало очень скоро, хотя, конечно, никто не представлял, что будет именно государственный переворот, точнее — что так быстро.

«Бегущий банкир вызывает панику на бирже», — гласит рыночная поговорка. Не знаю, бегали ли, прослушав рано утром 19 августа указы ГКЧП, советские банкиры, но растерянность была. И чтобы как-то ее снять, товарищ Галимов (конечно, руководствуясь указаниями свыше) послал в банки следующую телеграмму:

В соответствии с заявлением Советского руководства от 18 августа 1991 года установившим на всей территории СССР безусловное верховенство Конституции

СССР, постановлением номер 1 ГКЧП СССР Союзгосбанк предлагает всем учреждениям банков положить в основу своей деятельности и обеспечить безусловное выполнение требований законов СССР «О Государственном банке СССР» и «О банках и банковской деятельности», решений правления Госбанка СССР, правил, инструкций, указаний издаваемых Госбанком СССР. Галимов.

Правда, послал эту телеграмму товарищ Галимов уже тогда, когда вопрос о ГКЧП был практически решен, а получили эту телеграмму на местах как раз в тот момент, когда самолет с путчистами летел к низложенному ими Президенту СССР. Беда чиновника в том, что он на перипетии «наверху» и даже на революции должен реагировать согласно последним указаниям начальства. Поэтому вслед за вышеприведенной телеграммой банки получили следующую:

Соответствии телеграммой Союзгосбанка номер 214-91 от 21 августа сложившиеся в отдельных регионах трудности обеспечением банкнотами вызывают необходимость максимального ограничения выдачи наличных денег кассами банков на все цели кроме текущей зарплаты, компенсаций, пенсий, закупок сельхозпродуктов. В связи с этим запрещается выдача до конца 1991 года денег на досрочную выплату вознаграждений по итогам работы за текущий год, а также выплату единовременного вознаграждения за выслугу лет. Не допускается выдача наличных средств для расчетов за непродовольственные товары, материалы приобретаемые предприятиями и организациями всех форм собственности у отдельных граждан. Выдача наличных денег на прочие нужды может производиться в исключительных случаях в размере не более одной тысячи рублей в месяц. Галимов.

Следующая телеграмма от товарища Галимова была намного короче прежних, предельно лаконичная и потому всем понятная:

В связи с продолжающимися запросами Росцентрбанк разъясняет, что указания Госбанка СССР прямого действия на территории РСФСР не имеют и могут быть приняты к исполнению только в случае подтверждения их действия Центральным банком РСФСР. Галимов.

После этой телеграммы банкиры и вообще все предприниматели наконец-то вздохнули: пронесло!

Но поток телеграмм не прекратился. Активность победителей давала о себе знать, и товарищ Галимов трудился не покладая рук. Еще пару недель назад его телеграммы (конечно, со ссылкой на указания свыше) предписывали открыть субсчета для Фонда солидарности коммунистов, а теперь, когда КПСС оказалась замешанной в перевороте и Ельцин дал команду заморозить денежные средства этой партии, товарищ Галимов выполнил следующее указание и дал соответствующую телеграмму в банки:

В соответствии с телеграммой Союзгосбанка номер 218-91 от 27 августа при наличии средств партийных органов в виде участия в деятельности банков, депозитов возвратите эти средства на счет 700305 в РКЦ г.Казани МФО 265005. Галимов.

Вот такая хроника. Будущий исследователь путча, помимо героики вокруг обороны Белого дома в Москве, помимо ошеломляющих демонстраций с демонстражами памятников и бурных митингов в поддержку победителей, может, и обратит внимание на скромные, почти незаметные бумажки, препровождаемые в банки и решающие таким образом судьбы тысяч и тысяч людей. Сидят путчисты-негодяи, готовится праведный суд над этими одиозными преступниками, нет уже, кажется, и КПСС, от которой все наши беды и несчастья (то-то заживем!). Вот-вот покон-

чим с памятниками и со старыми названиями. Но служат честно и добросовестно на своих рабочих местах товарищи галимовы, готовые слать нам новые телеграммы, любые, какие скажут: от полной свободы до полной экспроприации; и их уполномоченные знают, как сделать, чтобы указания эти неукоснительно выполнялись. И возрадуемся, что на сегодня разрешили банкам выдавать предпринимателям и гражданам их же собственные деньги, и поблагодарим победителей, и – до новых телеграмм товарища Галимова. Аминь!

«Демократическая Россия», 25 сентября, 1991г.

Нужен ли предпринимателям Союз объединенных кооперативов (СОК) СССР?

Сначала немного истории.

Союз объединенных кооперативов СССР был создан в середине 1989 года, и его создание явило собой некий законченный цикл по оформлению общесоюзных кооперативных объединений. Действия кооператоров были обусловлены элементарным желанием выжить, так как, являясь пионерами легальных рыночных отношений в стране, представители новой кооперации осуществляли свою деятельность в жестоком антирыночном море, в окружении всеобщего презрения и ненависти.

Кроме того, жестко иерархическое, гиперцентрализованное устройство нашего государства и его экономики требовали аналогичного устройства от всех субъектов экономической деятельности, находящихся внутри его. Высокопоставленные чиновники из Совмина прямо советовали кооператорам: разберитесь между собой, изберите себе начальство, а оно уж будет решать с нами ваши вопросы.

И такая установка была вполне обоснована при господстве плановой экономики. К тому же у кооператоров в то время существовала иллюзия, что им удастся заполучить заветные мандаты на участие в выборах в Верховный Совет СССР, а для этого необходимо было как можно скорее создать общесоюзную кооперативную организацию.

Ветераны кооперативного движения помнят, что всю первую половину 1989 года шла работа по созданию *«самого главного»* кооперативного союза, который хотели навязать кооператорам *«сверху»* деятели Центросоюза. Из этой затеи ничего не вышло, так как активные кооператоры, поломав все планы коллег товарища Федирки, избрали своим президентом академика ВАСХНИЛ Владимира Тихонова, а его заместителями – активных деятелей кооперативного движения Артема Тарасова и

Юрия Воронцова. То есть кооператоры попросту «украли» у чиновников готовившуюся теми структуру, сделали ее своей.

Работа СОКа строилась в соответствии с существовавшими тогда правилами: президент, вице-президенты, достаточно многочисленный совет, исполнительная дирекция с минимальным аппаратом. Принцип построения СОКа – строгая иерархия: Центр, республики, автономии, области, края. Все это себя вполне оправдывало, учитывая геополитическую реальность огромной страны.

О достоинствах Союза объединенных кооперативов говорить не буду, скажу лишь, что за годы своего существования у новой кооперации не было организации более мощной и авторитетной. Последнее было достигнуто благодаря деятельности Владимира Александровича Тихонова, без которого, я убежден, СОК уже бы попросту не существовал, а также с помощью выполнения Союзом важнейшей функции социальной и правовой защиты кооператоров: юридическая служба СОКа выступила защитником предпринимателей на полутора десятках уголовных процессов и почти все их выиграла.

Время, однако, делает свое дело. За прошедшие два года, и особенно после августовских событий, изменилось буквально все: не существует более прежний СССР; кооперация уже не является «одиноким парусом» в антирыночном море; сошли с политической сцены ортодоксы-антирыночники, в том числе такие «друзья» кооператоров, как Рыжков, Полозков, Павлов; всюду идет капитализация госсектора, при которой вчерашний рыночный авангард оказывается аутсайдером формирующегося рынка.

Эти изменения, а также надвигающаяся гиперинфляция требуют от предпринимателей малого и среднего бизнеса заниматься прежде всего экономикой, вести борьбу за свое выживание не на политическом, но прежде всего на финансово-экономическом и производственном пространствах. А для этого нужны новые экономизированные структуры: корпорации, концерны, биржи и т.п. Время общественных организаций для бизнесменов если не ушло вовсе, то отодвинулось на второй план. Отсюда кризис возникших в 1988-1990 годах союзных, респуб-

ликанских, областных и городских кооперативных союзов и ассоциаций.

Сегодня предприниматели напрямую выходят на связь между собой, заключают сделки, торговые соглашения, договора, а многочисленные биржи, торговые дома и коммерческие банки служат средоточием рыночной жизни страны, оставляя чиновников от кооперации один на один с собой. Все это говорит о том, что создавшиеся в свое время предпринимательские, главным образом кооперативные, организации должны радикально перестроить, реорганизовать свою деятельность, найти нечто новое в рамках глобальных и необратимых перемен. В ином случае процесс формирования рынка попросту пройдет мимо них.

Сказанное целиком и полностью относится к Союзу объединенных кооперативов СССР, и к нему даже больше, чем к кому бы то ни было.

СОК учредил ряд коммерческих предприятий (еженедельник «Коммерсант», Внешэкономкооперация, «Росбизнесбанк»), которые успешно действуют и могут существовать самостоятельно. Но сам СОК нуждается сегодня в радикальной реорганизации, суть которой – демократизация этой централизованной структуры. СОК более не должен представлять собой союз видных кооперативных чинов. В него, на мой взгляд, должны иметь право входить любые предпринимательские союзы малого и среднего бизнеса, отдельные кооперативы, частные бизнесмены в зависимости от того, выгодно это им или нет, из любых образовавшихся суверенных государств, подписавших Союзный договор и входящих в единое экономическое пространство.

Конечно, такая реорганизация СОКа может вызвать сопротивление руководителей республиканских и областных союзов кооператоров, поскольку грозит подрывом их монополии: предприниматели ведь смогут напрямую идти к Тихонову и вступать в его СОК. Но в этом-то и состоит суть реорганизации. И в этом ее цель.

Предпринимателям не стоит уподобляться политикам и идти у них на поводу. Не надо думать, что глобальный полити-

ческий процесс по развалу СССР должен обязательно адекватно отражаться на взаимоотношениях предпринимателей, и отсюда строить свои деловые отношения по образу и подобию «9 плюс 1» или что-то в этом роде. Как раз напротив, предприниматели, как действительные пионеры новой жизни, должны идти впереди политиков (тем более наших политиков), показывать им, что бизнес, товар, финансы, конкуренция – категории сугубо мирные и созидательные, они, кроме того, *интернациональны* (простите за «красное» словцо).

Там, где заходит речь о предпринимательстве, уходят на второй план любые разногласия, в том числе и национальные. Бизнесу не нужны границы, они ему мешают. Гниющие помидоры на полях суверенной Украины и бешеные цены на них на рынках суверенной России – не следствие демократизации и суверенизации этих стран, а результат амбиций и глупости политиков. Предприниматель заинтересован в максимальном расширении (хоть до Антарктики) своих экономических и финансовых связей. Это достаточно тривиальная истина. Как истина и то, что ушедший далеко вперед цивилизованный мир не пустит нас к себе на равных с ним правах. В этом случае наше гигантское, измученное, разрушенное и голодающее «экономическое пространство» — божий дар и уникальный шанс для предпринимательства. Это пространство должно быть пронизано вдоль и поперек мириадами проводов предпринимательских связей, договоров, соглашений, по которым потечет животворящий ток из товаров, финансов, ресурсов.

Сужать это пространство до размеров Садового кольца, ставить шлагбаумы и таможни между городами, районами — смерть для серьезного бизнеса. Я убежден, что после удовлетворения конституционных амбиций, после принятия и утверждения флагов, гимнов и прочих атрибутов суверенизации, наконец, после признания в ООН здравый смысл и экономическая целесообразность восторжествуют. Возникнет не старый тоталитарный монстр, а новый Союз из действительно суверенных и независимых политических государств. Такой новой организацией, с учетом будущего Союза, и должен стать *Союз объединенных*

кооперативов, и чем скорее — тем лучше для самого СОКа, если он и впредь намерен играть ту важную роль, которую играл за время своего существования.

«Деловой Мир», 235, 18 октября, 1991 г.

Сентябрь 1991 г.

Путчевые заметки

Ежедневно открываются все новые и новые факты, свидетельствующие о том, что путч был обречен еще до того, как начался. Его не принял народ, не поддержала армия (народ и армия едины!). Не поддались на провокацию многие сотрудники МВД и КГБ, включая и генералов, стойко повел себя дипломатический корпус, не паниковали Советы на местах, народные депутаты всех уровней звонили в Москву и требовали объяснений, рядовые коммунисты возмущались, наконец, не одобрил переворот и Комитет конституционного надзора... И только кучка одиозных, зарвавшихся политиканов-авантюристов, воспользовавшись сложным моментом и просто крепким летним сном граждан, в ночь с воскресенья на понедельник взяла да и захватила власть в самой большой в мире стране.

* * *

20 августа утром я находился на подъезде к Москве. Всю ночь перед этим мы беседовали с соседом по купе – грузином, который все время твердил: «Что будет теперь с Грузией?» – и не были уверены, что поезд вообще дойдет до Москвы. Находясь в пассивном состоянии, в каком обычно бывает пассажир, оставалось лишь слушать радио. Среди официальных сообщений ГКЧП и вестей «о спорте», передаваемых ежечасно по радио, утешительного было мало. Но одно сообщение подавало надежду: это сообщение о том, что пять шахт Воркуты заявили о непризнании ГКЧП и объявили забастовку. Причем в забастовку включились шахтеры шахты Воргашорской, не бастовавшие даже в самый разгар шахтерских стачек.

Это было передано утром 20 августа на всю страну. И надо полагать, что страна это услышала. Для меня именно это со-

общение о забастовке шахтеров стало самым важным, и поэтому именно их я считаю своими героями. Надо вернуться назад и представить, сколь важным оказалось это сообщение для миллионов людей, не знавших ещё ни о заявлениях Ельцина, ни о противодействии военных, ни об активизации москвичей. Действия шахтеров для многих оказались главным критерием: как поступать дальше?

Почему-то в бесконечных теле- и радиопередачах, посвященных событиям 19-21 августа, в депутатских речах (союзных и российских), в статьях никто уже и не вспомнит о шахтерах, сразу же и однозначно определившихся в своих действиях.

* * *

22 августа во второй половине дня на площади имени Дзержинского экзальтированные москвичи и гости столицы приступили к свержению памятника Железному Феликсу. Попытки опрокинуть четырнадцатитонную громадину революционным способом окончились неудачно, энтузиазма толпы оказалось недостаточно, и создалась довольно пикантная ситуация, поскольку символические моменты в исторические времена (а в том, что это момент исторический, никто не сомневался) играют важную роль. Народ очень правильно сделал, что не разошелся до тех пор, пока не сняли памятник. Правда, для этого понадобилось вмешательство таких прозаических средств, как спецназ и техника, а народ ограничился лицезрением.

Так вот, пока не подошла техника, люди не расходились, обсуждали происходившее, шумели и приветствовали попытки накинуть тросовую петлю на шею Феликсу. В это же время шла пресс-конференция освобожденного из плена Президента СССР, трансляцию которой я слушал по транзисторному приемнику, привлекая внимание окружающих. Один из толпы, приветствовавшей отчаянного молодого человека, забравшегося Дзержинскому на голову (парень войдет в историю), услышав из моего транзистора голос Горбачева, повернулся и с большим удивлением произнес:

— А чего это Горбачев выступает, ведь его Янаев арестовал?

Услышав это, я и еще пара человек едва не упали: все, что происходило вокруг, — митинги, демонстрации, свержение памятника, — для этого человека ассоциировалось и было связано с действиями ГКЧП, который и дал вот эту долгожданную свободу. Мы переглянулись и пошли прочь.

* * *

Возвращение Президента СССР из плена и первое появление «на людях» ожидалось особенно: что ж теперь он нам скажет? Однако его неубедительные ответы на первой пресс-конференции и абсолютное непонимание того, что произошло в его отсутствие, раздражало даже его последовательных сторонников. Это навело на мысль (первым её высказал Отто Рудольфович Лацис в «Известиях»), что президент просто не успел осознать, что возвратился в другую страну.

Хотелось бы, конечно, чтобы наша страна стала другой, и нам всем оставалось бы изменить лишь (сделать другим) своего Президента Михаила Горбачева. Увы, страна наша — та же, и время наше — то же, и проблемы те же. И вновь будет беда, если кто, Горбачев ли, Ельцин, хотя бы на минуту об этом забудут, представят, что начинается новая эра, новая эпоха без большевизма, без коммунизма; горе, если будут игнорировать или недооценивать проблему глубоко укоренившейся в народе *«человеческой тяги к равенству»* (М.Гефтер).

«У нас в Елабуге переворота не было ни 19-го, ни 22-го, ни 28-го, — говорит житель провинциального города, — нечему было переворачиваться».

* * *

Все, что происходит не в Москве, — бунт и провокация; то, что в столице, — революция или государственный переворот.

Защитников Дома Правительства России возмущало то, что республики в достаточно сдержанной форме отреагировали на захват власти ГКЧП, что Назарбаев и его коллеги-президенты не выступили против путчистов в такой же категорической форме, как это сделал президент РСФСР.

Но ведь и москвичи во главе с Ельциным не бросились в атаку на оплот тоталитаризма – Кремль, не свергли памятники, не опечатали здания КПСС, не закрыли реакционные печатные издания, не арестовали министров-преступников, не обуздали КГБ, не реформировали армию, не прогнали Кравченко, не распустили Верховный Совет СССР, не устроили траур по убиенным – после событий в Тбилиси, Вильнюсе, Баку... хотя количество жертв там было куда большее и крови пролилось намного больше.

И сколько бы ни напоминали: «Не спрашивай, по ком звонит колокол», — понадобилась аналогичная ситуация непосредственно в Москве, кровь, жертвы и страх за себя, за своих близких, чтобы всерьез взяться за дело.

* * *

Многие более и менее известные в стране люди в своих послепутчевых интервью или статьях не забывают рассказать, где именно они находились с 19 по 21 августа, как решительно включились в борьбу с ГКЧП и какой вклад внесли в общую победу. Примечательно, что практически все они были уверены в том, что арестуют в первую очередь именно их: сразу в аэропорту (Коротич), или по пути с дачи (Петраков), или прямо дома (Бессмертных), — можете продолжить сами и включить в список себя, если такие опасения были. Вероятность ареста прямо пропорциональна важности персоны, её политическому значению и весу. Даже генерал Громов, первый заместитель Пуго, в интервью телевидению 8 сентября сообщил, что лично сдерживал войска МВД от ввода их в Москву: герой Афганистана теперь еще и герой Москвы. А бывший член Президентского совета Вениамин Ярин ждал своего ареста в Кремле (ведь не могли

же путчисты не арестовать его, Ярина). Не дождавшись, однако, ареста, Ярин вышел из своего кабинета, прошел по коридору метров тридцать и арестовал Янаева (запер в его кабинете). Такова диалектика — *кто кого*.

Когда после подавления путча обнаружались списки деятелей, которых предстояло арестовать в первую очередь, многие были разочарованы, не обнаружив в них свое имя.

Напротив, те, кто удостоился чести быть в списке предполагаемых арестантов (интернированных), испытали законное чувство удовлетворения.

* * *

Одно из достоинств победы демократии над путчистами — выход на арену молодого поколения. При этом надо отдать должное и тем, кого часто именуют «шестидесятниками».

Отзвуки революции и влияние героики отцов, война, голод, нищета, репрессии (это же все на их глазах), смерть Сталина, XX съезд КПСС, хрущевская «оттепель», октябрьский Пленум, 1968 год, годы застоя, апрель 1985 и новые (кажется, последние) надежды...

Люди, включенные в эти глобальные процессы, не абстрагирующиеся от них, а, напротив, стремящиеся себя в этих процессах реализовать, были обречены на такие переоценки ценностей, на такие потрясения, которые не могли не сказаться на их мироощущении и психике. Да простят меня эти люди, среди которых мои старшие друзья и учителя, но классический «шестидесятник» — это социальный урод, это сгусток самых невероятных противоречий и душевных парадоксов, которые невозможно понять новому поколению.

Жизненные перипетии привили им фатализм и апокалиптичность. Понимая, что возврат назад для них — конец, они тем не менее всегда допускали его возможность. Именно это позволило московским «шестидесятникам» быть готовыми к перевороту и немедленно отреагировать на него. (Я допускаю, что мысленно многие из них еще раньше «прорепетировали», как

быть, если что). Возможно, что эта готовность стала первым камнем преткновения перед путчистами. И напротив, не дала силам демократии войти в губительный шок.

Скорее всего, августовские события – последний бой шестидесятников. Он завершился победой, *их победой* прежде всего. Закреплять эту победу и извлекать из нее плоды – дело нового поколения. И давайте, молодое племя, будем снисходительными к причудам «шестидесятников». Не забудем, что в том славном семейном подряде, который вытацил-таки репку, роль деда играли все же не мы.

* * *

31 августа Москва праздновала День города. Музыка, песни, пляски... На ступенях перед Белым домом Правительства России творческая интеллигенция страны давала концерт в честь победы демократических сил над силами реакции. Естественно, что и концерт был демократическим: тяжелый рок вперемешку с фольклорным ансамблем «Березка» и еврейским дуэтом. Лев Лещенко спел песню «День Победы», в которую сумел вложить эвристический смысл: на этот раз песня адресовалась защитникам демократии. Марк Захаров предал анафеме слово «товарищ» и воспел обращение «сударь». Ансамбль песни и пляски имени Александрова вместо «Калинки» и «Тальяночки» спел сначала «Славься», а затем финал кантаты Петра Чайковского «Москва» на слова Майкова:

*По Руси пошел стук и гром большой,
чтоб сковать себе броню крепкую,
броню крепкую не себе одной,
а что есть людей меж пяти морей,
чтобы жить им всем что одна семья...*

Вслед за этим еще один ансамбль пел частушки:

*Появился бэ-тэ-эр
у села Кукуева.
Ну куда же ты ползешь,
железяка... ржавая?*

Это наш российский праздник сразу же после победы сил демократии над путчистами.

* * *

Когда после долгого мрака вдруг вспыхивает перед глазами яркий свет – человек слепнет. Из привычного неведения он попадает в неведение непривычное. И, ослепший от избытка света, человек теряет даже те ориентиры, которые были у него до того. И он, теряя ориентиры, даже не может двигаться, но лишь беспомощно стоит, простирая руки, стараясь нащупать окружающие предметы и по ним определиться: *где он, как быть дальше?* Но их он не сможет ощутить сразу, к ним надо сделать шаг, а шаг этот сделать опасно, не чувствуя почвы под ногами. Тогда приходится опускаться на четвереньки, подчиняясь инстинкту самосохранения.

Это страшное ощущение: ты был только что зрячим с открытыми глазами, но не видел ничего из-за окружавшей тебя абсолютной тьмы. Теперь ты знаешь, что тьма рассеялась и есть возможность увидеть мир, но глаза твои видят не его, а лишь огненный шар да искристые круги... Ты все еще слеп!

Нужен только один доктор – время, чтобы организм привык, и только одно качество – терпение, чтобы не оступиться и не пропасть вовсе. После этого вернется и разум.

«Магнитогорский рабочий», 16 октября, 1991г.

Диковинная реальность

Исполняющий обязанности прокурора города Набережные Челны старший советник юстиции товарищ Г.К.Хамидуллин, как и положено по службе, написал представление «О нарушениях законности в деятельности кооперативов» и 29 июля отправил это представление куда следует: в исполком горсовета на имя его председателя товарища Р.З.Алтынбаева.

Товарищ Алтынбаев на означенном документе поставил следующую недвусмысленную резолюцию: «Внести на исполком, подготовить жесткое решение» (слова «жесткое решение» подчеркнуты), — и переправил документ с угрожающей резолюцией своему заместителю товарищу Романовой Р.П., а также руководителю местной налоговой инспекции Оленину, тоже товарищу.

Многолетний партаппаратчик, товарищ Романова, в обязанности которой входит сегодня руководство бизнесом в полумиллионном городе, направила прокурорское представление «ниже» — председателю Автозаводского районного Совета народных депутатов Лунегову, разумеется, с сопроводительным письмом, в котором призывала районные власти принять надлежащие меры по фактам, изложенным в направляемой записке, и сообщить об этих мерах в горисполком и городскую прокуратуру.

В исполкоме Автозаводского райсовета записка товарища Романовой и представление прокурора товарища Хамидуллина были зарегистрированы входящим документом за номером 438 от 19 августа 1991 года.

По стечению обстоятельств (всякое бывает) в самом центре Москвы в это время проходил путч, и местные власти были вынуждены заниматься проблемами куда более значительными. Так что вернуться к прокурорскому представлению для них ста-

ло возможным только через месяц после победы сил демократии над силами реакции.

В чем же обвиняет городской прокурор, а вместе с ним и правовое государство предпринимателей из коммерческих магазинов «Весна», «Европа», «Космос» и «Прибалтика»?

Да в том, что они «фактически превратились в место реализации товаров дельцов и спекулянтов, которые используют кооперативы для извлечения незаконных доходов и тем самым усиливают негативные явления на потребительском рынке».

Далее прокурор указывает, чем именно «усиливают негативные явления на потребительском рынке» злосчастные кооператоры:

— Некие Ситниковы купили спиннинги по 26 рублей 25 копеек и рыболовную леску по 1 рублю 79 копеек и сдали их по ценам соответственно 150 и 5 рублей! А некто Иванов продает через кооперативный магазин видеоконплект из телевизора «Горизонт» стоимостью 750 рублей и купленного им видеоманитфона стоимостью 4 тысячи рублей аж за 8 тысяч рублей!

— Под прикрытием комиссионной торговли, — продолжает прокурор, — вышеуказанные граждане принимают от граждан вещи и предметы по ценам, в несколько раз (в десять и более раз) превышающим розничные цены на эти товары, — и далее прокурор приводит факты: колготки женские по 35 рублей, в то время как госцена всего 5 рублей; женские блузки — 220 рублей, а госцена 25 рублей; кроссовки — 1500, госцена — 85; туфли женские — 600, а госцена — 75 рублей и т.д.

Далее приводятся новые и новые факты, которые могут для какого-либо москвича или санктпетербуржца, да и самих челнинцев выглядеть сущим бредом, но для него, прокурора, это грубое нарушение социалистической (а другой у них для нас нет) законности, которое надо пресечь.

— Комиссионной продажей, — пишет прокурор, — этот вид деятельности не является, так как, в соответствии с правилами комиссионной торговли непродовольственными товарами, п. 3.4, цена вещей отечественного производства и импортных

устанавливается не выше государственных розничных цен, независимо от степени износа.

Ну а далее идут аргументы более весомые и значимые: «Указом Президиума ВС РСФСР от 27.02.90 г. продажа гражданами товаров или иных предметов, не произведенных ими, по ценам, превышающим действующие государственные розничные цены, признана незаконной, и в соответствии со ст. 150 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях за нарушение данного закона наступает административная ответственность».

Имеются в прокурорском представлении и другие диковинные вещи, за которые предпринимателей грозят отдать под суд, отобрать помещения и т.п.

Но диковинными они выглядят лишь для представителей победившей демократии. Для тех, кто покончил с постыдным и ненавистным прошлым, победил большевизм, провозгласил суверенитет и независимость государств. А для предпринимателей и армады чиновников (особенно провинциальных) все вышесказанное – никакая не диковинка, а реальность. Эта реальность – в существующих правовых и юридических нормах, актах, в уголовно-процессуальных и гражданских кодексах, в тысячах указов, распоряжений и постановлений, пронизывающих вдоль и поперек наш государственный организм. Все они, от Верховной Конституции до почти незаметных бумажек, подобных прокурорскому представлению, продолжают жить, работать, направлять и ставить на место кого надо и когда надо. Они составляют великое невспаханное биополе тоталитаризма, в котором мы продолжаем жить. Долго ли?

* * *

Отвечаю сам: очень долго. Вот и эту статью не дают закончить. Поистине: удивительное – рядом.

31 октября в конце рабочего дня Леонид Григорьевич Онушко, банкир-новатор, один из первых кооператоров в стране, сидел в своем кабинете и «закруглял» баланс. Нет работы более мирной...

Тишину прервал телефонный звонок. Звонила исполняющая обязанности руководителя расчетно-кассового центра Главного управления Центробанка России по Набережным Челнам, дай ей Бог здоровья.

— Леонид Григорьевич, что ж вы так поступаете, ведь сегодня уже конец месяца?! — и добросовестная чиновница стала требовать с недоумевающего председателя правления акционерного банка немедленного предоставления отчетности за сдачу клиентами банка задолженности по... партийным и комсомольским взносам.

Бедный банкир! После минутной паузы он стал объяснять, что, дескать, эта организация объявлена преступной, что Ельцин... что ГКЧП... что деполитизация... наконец, а что делать, если потребуется отчетность по задолженности от социал-демократов, кадетов, анархистов...

Но чиновница без тени смущения сказала, что никто не отменял существующих правил и норм и «сверху» спрашивают. Так что давайте скорее отчет.

Банкир бросил телефонную трубку... и долго-долго смотрел в окно. Там была темнота и шел снег.

А мы не станем ни ругаться, ни хвататься за голову, ни хохотать, но подумаем: отчего это так?

Объяснение одно, если исключить, конечно, патологию со стороны чиновника. Экспроприированные партийные деньги идут сегодня на латание дыр в госбюджете. А госбюджет — дело святое, как известно, и для его пополнения все средства хороши. Видимо, какому-то финансовому гению и пришла мысль снять хоть какую-то сумму с партийных должников. Ведь миллионы компартийцев уже по году и более не платят взносы в партийную казну. Это было хорошо, когда надо было подорвать партийную кассу и покончить с КПСС, а теперь, когда казна перешла в другие, демократические, руки, — это плохо. Ведь теперь деньги нужны уже на благое дело, — так почему бы их не взыскать? И кто, как не банкир, может проверить эту акцию?

3 ноября 1991 г. «Демократическая Россия», 34, 1991г.

7 ноября 1991 г.

Свобода для предпринимателей, опоздавшая минимум на год

В то время, когда политики и аналитики, журналисты и просто граждане обсуждали ельцинскую речь на съезде Парламента России, Григорий Явлинский подписал документ, на мой взгляд, самый значительный в его, пока сравнительно непродолжительной, политической карьере. Речь идет о Распоряжении 104 Р от 01 ноября, направленном на развитие частной инициативы и предпринимательства. Явлинский подписал этот документ от имени Комитета по оперативному управлению народным хозяйством СССР, а поскольку властные функции переходят от Центра к республикам, подписанный документ носит рекомендательный характер. Он может быть отвергнут суверенными республиками, если их высокое руководство сочтет данные рекомендации неприемлемыми.

Учитывая то, что в ряде республик идет битва за власть, главный козырь в борьбе за которую — суверенитет, там с большой ревностью относятся ко всякого рода рекомендациям извне, тем более из Центра. Так что судьба нового документа может оказаться плачевной, и он останется лишь рекомендацией. Но даже если это произойдет именно так, я склонен отнести Распоряжение Комитета к разряду выдающихся, и вот почему:

— принципиально важным считается, что документ является государственным. Можно, правда, заметить, что в данном случае это документ, исходящий от несуществующего государства. Возможно, но в любом случае: документ «спущен сверху» и — пусть даже символически — призывает республики следовать за собою вперед. Это очень важно, так как политика государства, которая в головах предпринимателей ассоциировалась с фигурами Рыжкова и Павлова, кажется, навсегда отодвинула их от себя. Предприниматель автоматически становился диссиден-

том и прокаженным, что, помимо комплекса неполноценности, влекло за собой чисто экономические последствия, ибо нельзя развивать экономику, находясь в оппозиции государству или в состоянии войны с ним;

— другое важное обстоятельство то, что Распоряжение в основном написано самими предпринимателями, которым Григорий Явлинский передал наброски будущего документа. Бизнесмены из Москвы, Магнитогорска, Набережных Челнов, Ульяновска, Казани, Смоленска, Санкт-Петербурга, Челябинска, Пятигорска и других городов могли принимать непосредственное участие в разработке Распоряжения, после чего специалисты из команды Явлинского лишь доводили документ «до ума», а затем, с помощью спецпочты, до республиканских, областных и краевых властей. Документ отправлен также крупнейшим политическим партиям и движениям, высшим должностным лицам и предпринимательским структурам;

— лично для Явлинского этот документ также может считаться важным, так как в его экономических программах, ориентированных в основном на так называемые «персоналии», не учитывался до сих пор такой важный фактор, как опора на предпринимательство внутри страны. Продолав в течение года путь от программы «500 дней», проекта о приватизации, договора об Экономическом сообществе, — Явлинский первым из экономистов, находящихся у власти, пришел к необходимости «поворота» **от макропрограмм к микроэкономике**, в бульоне которой плавают, тонут и варятся отечественные предприниматели. Теперь, имея в руках целый комплекс мер — от глобально-планетарных до прозаически внутрисоюзных, — он может считаться автором законченной экономической концепции, которую остается лишь провести в жизнь. Увы, это «**лишь**» остается в политизированной и идеологизированной стране самым трудным;

— еще одна сторона Распоряжения представляет интерес для политологов и советологов. Освободившийся от бремени власти (и отчасти от бремени ответственности), Центр может взять на себя функции не только судьи в межгосударственных

спорах, но может позволить себе быть радикальным и призывать к этому руководителей республик, причем делать это можно с помощью давления со стороны населения республик, ненавязчиво обнаруживая (через прессу) в качестве рекомендаций (как в данном случае) или как-нибудь еще различные прогрессивные акты. Такое влияние «через голову» может навлечь на себя гнев со стороны руководителей республик, краев и областей, но в таком случае уже радикальный и оппозиционный Центр должен стать объектом особой защиты со стороны демократического движения.

Кроме того: в стране, где консервативные идеи (в отличие от демократических) всегда находили и находят поддержку среди подавляющего числа населения, особенно в провинции, в стране с гипертрофированным восприятием роли Центра — иметь радикальный прогрессивный Центр не так уж и плохо. И президент России бы не ошибся, если бы согласился на существование такого Центра, пусть не «над собой», но хотя бы «рядом». И, как в свое время он сам радикализировал Горбачева, вынуждая того идти и идти вперед, теперь сам Ельцин, взявший на себя все бремя реформаторства в консервативной стране, будет нуждаться в аналогичном допинге. Горбачеву лишь остается умело сыграть роль Ельцина, не доводя дело до драки. Думаю, что эти деятели еще на одну большую игру вполне способны. Ведь сколько раз демократы спасали Горбачева от Горбачева, сколько раз говорили: «Хорошо, что есть Ельцин!» Где гарантии, что не понадобится спасать Ельцина от Ельцина?

Теперь вернемся непосредственно к Распоряжению 104 Р.

Ничего сверхъестественного в нем нет, и американец, немец или швед страшно удивились бы, узнав, что у нас до сих пор «не так». Увы, для нашего человека, для предпринимателя из страны Советов, содержание документа — несбыточная мечта и восклицание: «Неужели так когда-нибудь будет?!»

Например, *пункт I* Распоряжения предельно ограничивает вмешательство государства в предпринимательскую деятель-

ность, и если таковое выходит за рамки его компетенции или не соответствует требованиям законодательства, если нарушаются права предпринимателей, то они могут обращаться в суд с заявлением о признании такого акта недействительным. Причем в этом случае государство обязуется возместить убытки, включая упущенную выгоду, если суд признает такое вмешательство незаконным.

В этом же пункте подчеркивается равноправие частной собственности со всеми остальными, включая государственную, а также необходимость установления эффективной системы правовой защиты частной собственности.

Тем, кто занимается бизнесом в нашей стране, хорошо известно, что практически эта деятельность, несмотря на внешне разрешительные призывы политиков, в правовом отношении носит уголовный характер. Ведь вся правовая база — от верховных законов до едва заметных местных указов и указаний — осталась и охраняется тысячами добросовестных чиновников (имя им легион), получающим за эту нехитрую работу свои честные трудовые. И пока президент государства говорит о радикальных реформах — местный прокурор корпит над очередным представлением по поводу спекуляции в кооперативах.

Распоряжение (*пункт XIV*) рекомендует законодательным органам государств-членов Экономического сообщества отменить статьи уголовных кодексов, преследующие за осуществление предпринимательской деятельности, как несовместимые с рыночной экономикой.

Распоряжение рекомендует также исполнительным органам суверенных государств в максимально короткие сроки пересмотреть существующее законодательство, отменить все действующие правовые акты, сдерживающие предпринимательство, и к 1 января 1992 года создать необходимую правовую базу для ускоренного развития предпринимательства и частной инициативы.

Большое нравственное значение имеет та часть Распоряжения, в которой предлагается до 1 января освободить из заключения всех осужденных хозяйственников и частных пред-

принимателей с полной их реабилитацией и выплатой компенсаций, а также реабилитировать посмертно тех, кто умер в тюрьме, подобно знаменитому новатору Ивану Никифоровичу Худенко.

Пункт II Распоряжения посвящен регистрации участников предпринимательской деятельности. Таковая должна производиться в судебном порядке и не зависеть от чиновника из исполкома, определяющего на глаз (или за взятку), нужен или не нужен данный предприниматель в вверенном ему городе или районе. Поддержат ли эту рекомендацию республиканские и областные власти?

Наиболее смелой мне представляется та часть Распоряжения, которая затрагивает область финансов и банков (**пункт IV**). Здесь рекомендована полная свобода, сочетающаяся с переносом ответственности с государства на независимые банки. Так, всем банкам, действующим на территории государств-членов Экономического сообщества, предоставляется право осуществлять весь комплекс финансово-кредитных операций, включая валютные, и открытие корреспондентских счетов в зарубежных банках. Причем за все виды риска, связанного с деятельностью банков, государство ответственности не несет и в работу банков не вмешивается.

Предприятиям — независимо от форм собственности — разрешается право свободного приобретения и продажи валютных средств на договорной основе во всех банках и на валютных биржах. Предприятия могут открывать неограниченное количество счетов в любом коммерческом банке, а на сами банки не могут возлагаться функции государственных структур управления и контроля. Гарантируется также беспрепятственное получение собственниками своих средств в любой приемлемой для них форме (наличными, чеками, векселями, иными платежными поручениями или по перечислению) по первому требованию владельца средств без ограничения суммы в пределах имеющихся на счетах средств.

Радикальным, но необходимым является предлагаемая отмена системы расчетно-кассовых центров центральных банков и

переход в расчетах между банками на прямые корреспондентские отношения.

Важным представляется и то, что банкам дается право привлекать к охране своих помещений, хранилищ, персонала, а также для инкассаторских операций специализированные подразделения МВД, частные службы безопасности или создавать свои аналогичные службы.

Пункт V посвящен налоговой политике. Государствам-членам Экономического сообщества рекомендовано установить на 1992-1994 годы налог на прибыль предприятий в минимально возможном размере, «как правило не превышающем 25% прибыли». При этом освобождается от налогообложения прибыль, направляемая на развитие производства. В том же пункте среди прочего устанавливаются различные налоговые льготы для начинающих предпринимателей, а также для тех из них, деятельность которых связана с производством товаров народного потребления, медикаментов, продуктов питания.

Остальные пункты Распоряжения затрагивают все важнейшие проблемы предпринимательства: в области приватизации, поддержки предпринимательства и льгот его участникам, в области ценообразования, торговли и товарообмена, финансовой отчетности, благотворительной деятельности и даже (что особенно важно) в области политики.

Внешнеэкономический раздел (**пункт IX**) открывает для отечественных предпринимателей перспективу интеграции в мировую экономику. В частности: право на внешнеэкономическую деятельность предоставляется всем предприятиям, ликвидируется монополия внешней торговли, отменяются налоги на экспорт и импорт (кроме таможенных процедур и пошлин), отменяется лицензирование экспорта и импорта товаров, за исключением особых случаев, разрешаются все виды товарообменных и компенсационных сделок.

Предприятия имеют право открывать счета в любом банке мира и свободно перемещать их. Разрешается также нанимать иностранных граждан на работу в отечественных предприятиях

на основании соответствующих договоров и трудовых соглашений.

Вместе с законной радостью по поводу появления Распоряжения номер 104 Р, вместе с пониманием, что «лучше поздно, чем никогда», — возникает другой вопрос: неужели надо было ждать полного краха страны, сошествия с политической сцены целого сонма политических деятелей и целых структур, чтобы подобный документ мог появиться на свет? Ведь появление его хотя бы год назад могло изменить нашу жизнь (темпы роста кооперации доказывают это), обеспечить товаром потребительский рынок, решить проблему жилья, продовольствия. Главное: в стране сохранились бы стабильность и перспектива выхода из кризиса. Сегодня же именно эти факторы могут не позволить провести данное Распоряжение в жизнь. Ведь когда льется кровь, когда страна на грани голода и холода, — в ход идут методы чрезвычайки, и они несовместимы с мирными реформами и созидательным трудом предпринимателей. *Почему же мы всегда опаздываем?*

«Демократическая Россия», 35, 1991г.

Выступление на Всероссийском совещании движения Демократическая Россия

*Москва, Российский гуманитарный университет
17 декабря 1991 года*

Дамы и господа!
Товарищи!

Меня очень обрадовало выступление здесь философа Владимира Соломоновича Библера. Я искренне рад, что в нашей академической науке есть такие ученые, которые говорят о том же, о чём думают сегодня предприниматели, с которыми я имею дело. Действительно, надо плясать от человека, от субъекта, который стоит внизу, который трудится, что-то производит, который только и может спасти наше общество.

А вот, например, профессор Дзарасов говорит: «Я выступил, дал важные рекомендации, но ушел домой, — и все на этом заканчивается, никто не прислушивается к этим моим рекомендациям».

Так вы, профессор, не идите домой, а засучите рукава, оденьте калоши и ступайте к нам, к предпринимателям, где есть работа, нет экзальтации, где, между прочим, даже стреляют и матерятся, и вы узнаете, как вы там нужны, как там нуждаются в серьезных профессорах. А чего идти «наверх», апеллировать к правительству, призывать к поддержке правительства, как это делают здесь уже несколько человек?

Чего там поддерживать?

Мы уже поддерживали правительство Рыжкова, который тоже призывал к поддержке, поддерживали правительство Павлова, которое тоже просило поддержки... Когда же у нас появится правительство, которое будет поддерживать нас?

Можно что угодно говорить о предпринимателях, можно их призывать к поддержке правительства, и я бы рад его поддержать, тем более что во главе его стоит человек, с которым я достаточно давно тесно связан, и он даже лауреат Бухаринской премии за развитие экономической мысли... Я веду речь о Гайдаре... Но когда тебя начинают резать, обрезать уши, нос, ковыряться ножичком и так далее, то хочется как-то защититься от этого дела. И я говорю с ответственностью, что сегодня предприниматели провинции, читающие новые законы, смотрящие телевизор, воспринимают новое правительство так же, как и предыдущее. К великому сожалению, потому что опять предприниматели поставлены в оппозицию к своему правительству. А ведь развивать экономику в подполье невозможно, в отличие, скажем, от банд рэкетиров. И это самая большая ошибка правительства, что оно вновь ставит к себе в оппозицию тех, кто, казалось бы, должен быть им поддержан.

Обойдут предприниматели все законы, как это было всегда, найдут лазейки. Откажутся от доходов, от зарплаты: я знаю предпринимателей, которые вообще не получают ни копейки, ноль рублей! Только для того, чтобы обойти закон. И обходят. Но это опять ненормально, это опять война того, кто хоть что-то может, — с теми, кто у власти.

То есть вопрос о «поддержании» или «неподдержании» решается сам собой, без нашей риторики. Я думаю, что если «Демократическая Россия» будет поддерживать это правительство, а правительство не будет поддерживать предпринимательство, будет вести фискальную политику, то «Демократическая Россия», в свою очередь, сама лишится поддержки у того слоя, который призван материализовать идеи рыночной экономики и является основой демократического общества в нашей стране.

Так что можете поддерживать, конечно...

Далее. Здесь шел разговор о мафии, и господин Волобуев, как я его понял, говорил о том, что сейчас невесть что творится, что сплошь и рядом идут нефиксированные доходы, прячутся деньги, кругом анархия и так далее. Во всяком случае, у меня создалось впечатление, что он имеет в виду именно это. Воз-

можно, это так, но я знаю, что в малых предприятиях, в частных фирмах, в небольших коммерческих структурах и банках сидят день и ночь налоговые инспекторы и проверяют всё досконально. Буквально не дают работать. Они не лезут в крупный бизнес, на КамАЗ, на ВАЗ, а малому бизнесу не дают и шагу пройти. И сейчас, между прочим, эти люди в нарукавниках руководствуются правом, существующим со сталинских времен, — идут различные прокурорские представления, всё это работает, людей сажают, а иные просто давно сидят, и никто эту правовую основу не отменял. Все это существует. Кто займется всей этой проблемой?

Если действительно подойти к человеку, посмотреть на мир его глазами, перестать «спасать» страну, Россию, общество, а начать спасать себя, то получится совершенно иная картина. Люди по-другому будут смотреть на многие вещи, в том числе и уважаемые профессора.

Например, в сегодняшней теме обозначена проблема социальной защиты населения. (Освобождения цен я не касаюсь, поскольку там, где живу и работаю я, в том мире такого понятия нет и цены там давно освобождены.) Вот попробуйте вы, кто-нибудь из здесь сидящих, взять и отказаться от пенсии. Вот выйти и сказать: я, такой-то человек, отказываюсь от своей пенсии в пользу бедного государства. И оказывается, это невозможно сделать. Оказывается, нельзя отказаться от пенсии, поскольку государство обязано вас облагодетельствовать, и вы от этого блага отказаться не вправе. Почему? Да потому, что, освободившись от государственной пенсии, а это необходимо немедленно внести в российское законодательство, встает вопрос о создании альтернативной системы социального страхования, об альтернативной пенсии, — а это ведь тот самый крючок, на котором государство всех нас держит.

Надо идти не по пути увеличения пенсии, а по пути создания альтернативной системы соцстраха, и пусть люди, если того желают, сами о себе заботятся.

Вот в нашей Межрегиональной кооперативной федерации существует свой социальный фонд, и я вкладываю деньги туда, и столько, сколько мне надо, а не сколько положено. А вот правительство говорит: «Нельзя! Нельзя и все. Это мы должны вам выплачивать пенсию», — и все такое прочее. «Вы, — говорят нам власти, — платите нам в государственную казну, а уж мы потом посмотрим, как выплачивать, кому и сколько».

И представьте, что вам 60 лет и вы, не дай Бог, умерли или что-то случилось: куда делись ваши отчисления? Ушли в дыру. А в альтернативном социальном фонде можно предоставить, например, право наследия и многое другое. И если бы «Демократическая Россия» предоставила программу альтернативного социального страхования, то это бы потянуло за собой людей. Это живой интерес.

Теперь насчет политики. Юрий Николаевич Афанасьев ставил так в начале этой встречи вопрос: «Как включиться в политику реформ?»

Неплохо, конечно.

Не далее как вчера Гавриил Попов заявил о своей отставке, и он, вместе с Движением демократических реформ, будет теперь в оппозиции и будет поддерживать предпринимателей. Можно, конечно, во всем отказать Гавриилу Харитоновичу, но только не в глубоких знаниях политической конъюнктуры. Очевидно, что здесь идет розыгрыш политической карты. Дело в том, что новая экономика ищет свой политический эквивалент. С одной стороны это «социалистическая» экономика во главе с товарищами (впрочем, теперь это господа) Вольским, Владиславлевым и другими с их капитализированным госсектором — новым монополистом, с другой стороны — малый и средний бизнес. И те, и другие мучительно ищут свой политический эквивалент. И, на мой взгляд, Движение демократических реформ понимает, что, соединившись с крупным капиталом, оно будет представлять собой достаточно мощную силу. Там ведь есть еще и товарищ Руцкой.

И российское правительство также опирается на этих крупных монополистов. Не далее как пару недель назад я был в

Кремлевском Дворце съездов на встрече российских бизнесменов с их американскими коллегами. Это было достаточно помпезное событие, но, за исключением «социалистических» предпринимателей, я там не видел никого. Этот великосветский раут возглавлял господин Щербаков, и там же было широко представлено российское правительство. Я не видел там предпринимателей из России, из провинции.

Так вот, политика «Демократической России» должна опираться на малый и средний бизнес, именно на этот социальный слой, который насчитывает уже до тридцати миллионов человек вместе с семьями! Ему, этому слою, надо помогать выжить в условиях гиперинфляции: предпринимателям в Вологде, в Набережных Челнах, Казани и так далее по всей стране.

Вот сейчас будут формироваться законодательные органы на всех уровнях власти. Кто будет там представлять предпринимателей? У крупного бизнеса там есть весь набор из исполнительной и законодательной власти, есть парламентское лобби и правительственное лобби, а у малого бизнеса что есть? У фермера что есть? А ведь в будущем парламенте будет происходить борьба за разные направления рынка: один из них — тот же, монополистический, рынок, а другой — демократический, то есть наш с вами.

Поэтому я прошу прощения за назидательность, но хотел бы, чтобы «Демократическая Россия» заняла именно эту важнейшую нишу и включилась в серьезную поддержку основы демократического общества — малого и среднего бизнеса.

Кстати, существует *Распоряжение N104 р*, подписанное Григорием Явлинским и написанное при помощи предпринимателей. Можно смело брать его за основу в качестве своей экономической программы. Силы приказа оно не имеет в новой политической реальности, но этот труд не должен пропасть, а лучшего вы все равно не напишете.

Вопрос: Вы предлагаете становиться в оппозицию правительству. А что, у вас имеется альтернативная программа? Вы что, предлагаете хаос, анархию?

Ответ: Почему такая крайность? Никакого хаоса нет. Хаос есть для той системы, которая не имеет права на жизнь и которая рушится сейчас, хаос для тех людей, которые живут со старыми представлениями, живут в старой системе и не мыслят себя вне её: то ли они с нею борются, то ли защищают.

Я наблюдаю за нашей академической наукой давно. Вся эта наука, да и средства массовой информации, журналисты кричат о хаосе, крахе... и они не видят, что из этих руин пробивается новая жизнь, новые люди. Они не видят, что в этой новой жизни нет никакого краха, там есть беспокойный труд без истерии и экзальтации, там уже давно существует и рынок, и новые взаимоотношения, и своя этика. И надо только интегрироваться в эту жизнь, помочь в этом людям, надо найти в этой новой жизни свою роль, а не кричать о хаосе и крахе. Нет никакого краха.

Рушится старая система. И черт с нею! Я езжу по многим городам, вижу людей, вижу тех, кто трудится и созидает. Да, сейчас трудно, голодно, холодно, но так рождается новая жизнь. Надо найти поскорее себя в ней, реализовать себя, поддержать эту новую жизнь.

К отставке Михаила Горбачева

25 декабря Президент СССР М.С.Горбачев ушел в отставку. Ушел по «принципиальным соображениям», как он прямо сказал в своем последнем президентском выступлении, хотя все знают, что его «ушли», причем сделали это грубо, неблагодарно, унижительно.

Но это политика, и Михаил Сергеевич, как политик, всегда должен был быть готов к уходу, причем даже и с худшим для себя вариантом. Думаю, что, находясь в Форосе, он мог лишь мечтать о такой отставке... Не станем жалеть его, потому что мы, лишившись Горбачева-президента, возможно, сами нуждаемся в еще большей жалости.

Сейчас подводят итоги его политической деятельности как главы государства, и, наверное, каждому эти итоги видятся по-разному. По мне, его высшее личное достижение — он сумел отдать невероятную власть, которой обладал, без права ее наследовать; его главная ошибка — он, реформатор-демократ, не позаботился о своей социальной опоре, среднем классе, наличие которого могло позволить ему делать дальнейшие шаги к реформам. В итоге он вынужден был топтаться на месте. Он также не приблизил к себе непосредственно и не вывел на политическую орбиту новые, молодые силы, опрометчиво предоставив их самим себе и своим политическим противникам.

Горбачев оказался одинок как политик, потому что не оправдал чаяний ни демократов, ни консерваторов, ни тех, кто сидит в «Матросской тишине», ни тех, кто спешно занимает его апартаменты. Своими неуверенными действиями и даже бездействиями, своей медлительностью, топтанием на месте, мягкотелостью, маятниковыми колебаниями, в конце концов, неправильными ударениями в простецких словах он всех нас утомил, даже разозлил. Нас, привыкших к решительности и определенности, если речь идет об интересах государственных. Нас, при-

выкших к силе слова и чеканности фраз. Словом, он не оправдал наших законных чаяний, и мы вправе хором (одни, другие, третьи) потребовать: «Давай следующего!»

Но что, если кто-нибудь со стороны или даже мы, но завтрашние, станем выяснять, оправдали ли мы чаяния реформатора? А вслед за этим еще один сверхвопрос: а способны ли мы вообще на мирные реформы?

На пресс-конференции, на следующий день после своей отставки, Горбачев сказал журналистам, что от политики отходить не собирается и что ещё все впереди. Возможно, это была лишь простая, бодрящая самого себя фраза, но возможно, за ней скрывались далеко идущие планы и какая-то новая игра, в которых Горбачев слывет редким мастером.

Кто знает историю нашей страны, кто внимательно следит за духом, традициями и привычками её бранных сыновей и дочерей — возьмется ли предсказать судьбу опального, но живого государя?

Разодрав друг другу кафтаны, намяв бока, выбив зубы и отправив к праотцам многих, не поползем ли на коленях в некую слободку и, захлебываясь в крови и слезах, не скажем ли ему: «Вот мы, бери нас, окаянных, веди за собой!»?

А может, Горбачев станет выполнять такую же роль, которую раньше играл Ельцин? И если раньше говорили: «Хорошо, что у нас есть Ельцин!» — теперь будут говорить: «Хорошо, что у нас есть Горбачев!»

27 декабря 1991 г.

Когда казна пуста

Сегодня, наблюдая за «путешествием Ельцина по России» и размышляя над дебатами российского парламента, всё отчетливее обнаруживаешь, что провозглашенная «либерализация» цен на деле выливается в их очередное повышение, причем на этот раз более жесткое, чем все предыдущие.

А могло ли быть иначе? Могли ли рассчитывать на успех реформаторы, не имея в руках никаких рычагов для проведения провозглашенной ими реформы?

Аксиоматично, что для проведения реформ в такой стране, как Россия, нужна очень сильная власть. История наша ставит под сомнение вообще возможность мирных реформ в России. Я не могу вспомнить прецедент, когда подобные сверхзадачи удавались вообще, в то время как о неудавшихся реформах написаны тома. Россия славна многими героями, но мирных реформаторов среди них попробуйте отыскать... Сейчас заговорили о необходимости фигуры масштаба Петра Великого, а ведь то был редкостный тиран-император.

Боюсь ошибиться, но, по-моему, никакой реальной властью, если исключить сомнительную власть харизмы, правительство России и её президент не обладают. Настоящая власть с вполне благими намерениями была в свое время делегирована в регионы и области, автономии и округа, сначала под видом «децентрализации», а затем «демократизации», и не без удовлетворения принята местной номенклатурой. Отдавать спущенную «сверху» власть и уходить в отставку, как это делают некоторые столичные политики, эта номенклатура не собирается.

Когда Борис Ельцин говорил, обращаясь к народам: «Возьмите столько власти, сколько сумеете переварить», — то, конечно же, это была политическая риторика, поскольку данное обращение в действительности касалось лишь местной бюрократии, которой позволялось отныне по своему усмотрению

распоряжаться и править в своей вотчине. Сегодня эта постимперская номенклатура, подобно диадохам развалин империи Александра Македонского, может на вполне законных основаниях делать что угодно.

Главной же опорой местных властей, тем крючком, на котором вот уже многие годы держит страну за шиворот тоталитарное государство, была и остается самая могущественная и самая уникальная система распределения: монополия торговли, практически нигде не поколебленная. Мириады точек на карте страны — не города и веси, а торги. В обл-, гор-, райпищеторгах и в обл-, гор-, райпромторгах исправно трудятся сотни тысяч легионеров, добросовестно осуществляя старую как мир и святую для данной системы миссию Распределения. О какой «либерализации цен» может идти речь, если все распределители (а в нашей стране магазинов как таковых нет), вся торговля целиком находятся в руках местного чиновничества, над которым к тому же уже нет дамоклова меча Центра, но внутри которого был и остается корпоративный дух и единый шкурный интерес?

Это ведь реформаторы должны знать. Равно как и то, с каким монстром затевают борьбу. А ведь даже монополизм пресловутой «Союзпечати», этих маленьких киосков с бабулями, ликвидировать не удастся, скорее наоборот, «Союзпечать» вот-вот ликвидирует прессу. Словом, особых успехов в борьбе с монополизмом пока нет. При этом вице-президент во всех своих выступлениях сетует на засилье в нашей экономике коммерческих структур, бирж, независимых банков. А ведь через биржи проходит не более 3,5 процента от всей реализации товара, и, кажется, по своему удельному весу эта цифра значительно уступает весу генералов и полковников, активно включившихся в большую политику.

Сломать саботаж реформ можно либо с помощью опричнины и нещадного террора со стороны центральной власти, либо, если речь идет о мирных реформах, с помощью альтернативной экономики, главным образом в лице мелкого и среднего предпринимательства. Многомиллионная армия частных хозяйчиков, торговцев, крестьян (а не Научно-промышленный союз

товарища Вольского), создав мощные инфраструктуры торгового капитала, могла бы подорвать монополию государственной торговли и, в сочетании с демократическими институтами, со своими представителями в законодательных и исполнительных органах власти, стать прямым проводником политики освобождения цен и фактором стабильности. Они бы выполняли роль терапевта, если речь идет о шоковой терапии.

Но беда состоит в том, что именно малый и средний бизнес испытывает на себе всю тяжесть налогового законодательства, по сути — фискальной программы наполнения бюджета. Признав себя банкротом и обвинив в этом коммунистический режим, «первое посткоммунистическое правительство» унаследовало не только пустую казну, но и драконовские методы ее наполнения. Поистине, этот банкрот не из тех, кто закладывает свое имущество. Он, напротив, спешит стащить к себе все ваше, не брезгуя мелочами. В этом отношении наши реформаторы не продвинулись даже до логики вождя команчей: «Прежде чем снимать скальп, надо дать отрасли волосам».

А ведь бюджет можно строить на продаже земли, собственности, госимущества и т.п. Но, к великому сожалению, новое правительство с ходу поставило себя в оппозицию к предпринимателям и на их поддержку в своих дальнейших шагах теперь рассчитывать не может.

С кем же тогда проводить реформы?

Известно, что шок без терапии — процедура вредная и небезопасная для пациента, который, если не умрет от болевого шока, может очнуться и броситься наутек, попутно круша всё вокруг, в том числе самих лекарей, и, окровавленный, с криком: «Спасите!!!» («Рятуйте!»)... далее на языках всех народов бывшего СССР), — непременно вляпается в какую-нибудь новую, неприятную для себя Историю.

«Московские Новости», N3, 19 января 1992. -С.5

В жажде бурь не проморгайте попутный ветер!

30 января «Независимая газета» опубликовала тезисы доклада Александра Янова, прочитанного им в Институте философии в Москве. Публикация вышла под названием «Россия перед бурей», и уже сам утвердительный заголовок указывает на то, чего следует ждать. Впрочем, бури (со дня на день) мы и без того ждем, не один месяц, не один год. Апокалиптический характер российского (бывшего советского) человека, будь то радикал-консерватор или радикал-демократ, заставляет не только ждать этой самой бури, но и жаждать ее, а у кого есть возможность — провоцировать.

Это не нонсенс: именно социальные потрясения (читай: «бури») помогли отечественным политикам максимально реализовать себя. Всякий раз, когда над «новорожденной российской свободой сгущаются тучи», трибуны, эфир (в основном телевизионный) и прессу заполняют герои чрезвычайки. Напротив, когда ситуация близка к стабильности — этих «героев» не видно, да и не слышно. Набив руку на борьбе с «тоталитаризмом», «большевизмом», а еще до того — с «командно-административной системой», создав себе имя, они сами стали неотъемлемой частью этой самой Системы и, кажется, уже не могут жить без нее. И как раньше Система кровно нуждалась в воспроизводстве чрезвычайных ситуаций для поддержания своего существования, так, скажем, Глеб Якунин или Илья Заславский нуждаются в воспроизводстве и поддержании у своей паствы страха перед Системой. Только в этом случае их порыв будет услышан и «социальный заказ» на них будет востребован. Потому, кстати, и Эдуард Шеварднадзе заявляет французам, что «опасность диктатуры сейчас грознее, нежели в августе». (По истине: *«И вечный путч, покой им только снится»*.)

Невольными сторонниками перманентных перемен являются и большинство российских обывателей, не обремененных ни собственностью, ни даже правами на нее. Для них, иждивенцев, смена государственных деятелей, правительств, политических курсов и социальных доктрин — единственная неугасающая надежда на хоть какое-то улучшение. И чем чаще такая смена — тем для них лучше, тем больше надежд, хороших и разных.

О том, что «Россия перед бурей», — можно услышать сегодня в различных аудиториях самых разных политических направлений. О «буре» говорят Кургинян и Руцкой, Татьяна Корягина и Станислав Шаталин и многие-многие другие. Любопытно, что голые прилавки и надвигающаяся гиперинфляция, произвол местных чиновников и развал государственности, нищета и забастовки, разгул преступности и коррупция, межнациональные войны и прямой, на глазах у всех, геноцид одной нации над другой — всё это еще не воспринимается как «буря», но лишь как ее пролог, прелюдия к ожидаемому «девятому валу» российской истории.

Александр Янов предсказывает нам передышку: «Я не думаю, что счет идет на месяцы. Я исхожу из того, что идет он на годы. Что передышка, которую принес стране август, имеет все шансы продлиться по крайней мере до следующих выборов в 1995 году».

Сказанное мотивируется тем, что существующая в стране оппозиция демократическим реформам еще попросту не готова использовать «остроту кризиса для захвата власти». «Покажите мне такую партию в сегодняшней России. Назовите мне лидера, сравнимого с Лениным или с Гитлером... Годится на эту роль возрожденная ВКП(б) во главе с Ниной Андреевой? Или "либеральные демократы" во главе с Жириновским и "патриоты" с Прохановым? Или "Наши" с Невзоровым? Или "Союз" с Алкнисом"? Или ультраправое "народно-социальное движение" с Виктором Якушевым и РКП с Макашовым? Они так же годятся на роль фюрера, — резонно считает Янов, — как Янаев на роль Горбачева».

Действительно: «Нет такой партии!»

Действительно, «эти» — не годятся! Но ведь и Александр Янов не там ищет.

Да, Янаев — не Горбачев и на центральную роль никак не потянул. Но лишь потому, что саму эту роль вычеркнули из сценария. (После чего, кстати, «не потянул» и Горбачев!) Сейчас в цене иные роли. Главная среди них — политический лидер-патриот во вновь возникших суверенных государствах. А здесь уже очевидно, что Джохар Дудаев это не Янаев. И таких дудаевых ведь сейчас внутри России зреет множество, и решают вопросы они не в Москве, то есть не там, где их ищет Янов.

И кроме того, та самая «буря» с апокалиптическим исходом, с российскими сумгаитами, уличными мятежами и голодными бунтами, может произойти не столько от слабости и беспомощности реакционной оппозиции, сколько от непочвенного и, по сути, неоформившегося демократического движения (пока оно не вышло за рамки либерального). А если говорить об институтах власти, то не ограничиваются ли эти институты лишь одинокой фигурой Бориса Ельцина со странной возней вокруг него? Имеющие воображение, представьте на миг, что завтра (а над всеми нами Бог!) его не станет!

Александр Янов сравнивает послевоенную ситуацию в Германии и Японии с тем, что совершилось у нас в России после подавления путча. Оккупационные власти там, в Германии и Японии, считает ученый, «разрушили старый режим и тем самым лишили потенциальных контрреформаторов институциональной поддержки; отдали институты власти в руки новых демократических лидеров; заставили потенциальных контрреформаторов уйти в оппозицию и отняли у них возможность насильственного свержения правительства реформы; поддерживали демократическую оппозицию в её критике ошибок правительства, отнимая таким образом эту решающую функцию у антидемократических экстремистов».

По мнению Янова, все это совершила в России августовская победа. «Она, если угодно, почти целиком исполнила

функцию оккупационных властей», — заключает Янов, и с этим можно было бы согласиться, если бы не ряд особенностей.

Во-первых, то было время, когда глобальные планетарные катаклизмы порождались и разрешались достойными их политическими фигурами, когда за одним столом могли сидеть и решать судьбы мира Рузвельт, Черчилль и, извините, Сталин.

Кто из нынешних лидеров и в какой стране может тягаться с ними в масштабности поставленных перед собою и обществом задач? Скорее всего, никто. Напротив, очевидно, что масштаб задач, вставших перед миром и перед Россией после развала СССР, куда значительнее политических деятелей, порой даже не осознающих, о каких собственно задачах идет речь. И это принципиально отличает ситуацию сегодняшнюю от послевоенной.

Во-вторых, если говорить об «августовской победе», то это событие еще мало кем серьезно осмыслено, чтобы определенно утверждать, кому и что эта победа дала. Александр Янов поставил бы под сомнение свои утверждения, если бы смог видеть 19-го утром недоуменные физиономии провинциальных российских номенклатурщиков. Им, беднягам, надо было немедленно вытащить на свет божий нечто «демократическое», чтобы тут же (согласно поступившим «сверху» указам ГКЧП) это «нечто» закрыть, запретить, свернуть и т.д.

А всего через двое суток надо было измениться еще раз и вновь надо было что-то закрыть, запретить, свернуть. (К счастью для номенклатуры, под рукой оказался такой анахронизм, как КПСС. Ее и закрыли!)

«У нас не было переворота, — говорил мне житель провинциальной Елабуги, — нечему было переворачиваться!»

Но там, где не было переворота, не было и победы.

А что было?

Над этим стоит подумать, прежде чем сравнивать нас с послевоенной Германией, в которой гарантом от реставрации национал-социализма служили все же союзнические войска. У нас армия бывшего СССР вызывает противоположные опасения.

В качестве резюме Александр Янов советует «немедленно строить независимую демократическую оппозицию», которая

бы, «в отличие от правительства, заботилась о выигрыше войны, а не только того или иного сражения».

Я бы согласился с этим безоговорочно, если бы точно знал, что именно имеет в виду известный историк и политолог.

Ведь создание независимой и непременно демократической оппозиции — навязчивая идея вообще всех отечественных политиков. И несть числа разного рода демократическим форумам, инициативам, декларациям и конгрессам. Но вот серьезно из этого пока ничего не получилось. Более того, «демократические» потуги набили оскомину у людей даже в политически активной Москве, не говоря о провинции.

Другое дело, если имеется в виду создание такой оппозиционной силы, которая смогла бы дорасти до серьезной демократической альтернативы сегодняшнему правительству. Это действительно желательно, но едва ли на это способны видные деятели «демократических» движений, уже не раз ставившие такую цель.

Значит, речь должна идти о совершенно новой генерации политических деятелей, в иерархии ценностей которых «доверие народов стояло бы несопоставимо выше любой борьбы с Центром» (выражение А.Янова) и при этом (добавим от себя) не забывалась бы такая ценность, как добросовестная и компетентная служба прозаическим интересам среднего человека. Не более того.

Но здесь встаёт вопрос о том, когда такая генерация объявится (вопрос времени) и, что ещё более важно, когда у общества появится в ней потребность?

Можно создавать сколько угодно оппозиций и альтернатив, в том числе и демократических, бороться за их признание и торжество, можно даже прийти к власти, но этим и ограничиться. Именно так сейчас и происходит, что заставляет многих мыслящих людей усомниться в готовности России к демократическим преобразованиям вообще.

Лев Тимофеев, например, уверенно пишет, что в России нет социальной основы для демократии, поскольку намеренно и расчетливо ей не дают возникнуть («Независимая газета» от

1.02.92). Замечание серьезное, но претензии по адресу государства и его правительства здесь едва ли уместны. Бюрократия монополистического государства не может инициировать создание социальной базы против себя. Это был бы самоубийственный для нее шаг. Достаточно, что она породила либерального реформатора и долгое время его «терпела», понимая, что без той самой «социальной основы» реформатор ей не опасен.

Но претензии к другому лагерю, претендующему на роль «демократического», предъявить стоит. Ведь и Лев Тимофеев утверждает, что в сегодняшней России среднего класса нет, что его «планомерно и целенаправленно повсюду уничтожают». Таким образом, все неудачи списываются на отсутствие в России объективных для демократии факторов, на «исторический процесс», на «правительство» и «тоталитарное мышление», а вовсе не на свою собственную поистине куриную слепоту, не позволяющую избегать странных противоречий:

— во-первых, если средний класс повсюду уничтожают, значит, есть за что: он во многих местах имеется, он значителен, он опасен;

— во-вторых, если его уничтожают планомерно и целенаправленно, значит, твердо знают, где он и сколько его.

Почему же об этом «не знают» демократы? Почему не бросаются на его защиту с таким же рвением, с каким государство бросается на его удушение, но вместо этого утверждают, что его нет? (Тимофеев не единственный, кто так считает, недавно по телевидению об этом же говорил известный публицист Геннадий Лисичкин.)

Кто же, чёрт возьми, тогда работает в тысячах независимых банков и бирж, в сотнях тысяч кооперативов и малых предприятиях, акционерных обществах и СП, в частном секторе и в крестьянских хозяйствах?!

Новый, альтернативный сектор экономики насчитывает уже десятки миллионов людей и, несмотря на все трудности инфляционного периода, на фискальную политику всех правительств, обратную дорогу в структуры госсектора для себя отвергает. Люди здесь познали свободу, они стали гражданами,

они трудятся, и у них что-то получается. Риторический вопрос о том, «дозрела ли Россия до демократии или нет», перед ними не стоит: у них просто нет иного выбора. Само их существование — выстраданная демократическая альтернатива, которую с одной стороны «планово и целенаправленно» уничтожают, а с другой — высокомерно не замечают, утверждая, что таковой вообще нет.

Так, может, при создании еще одной «независимой демократической оппозиции» (если до этого дойдет дело) все же стоит обратить внимание на этот самый *средний слой* и органически соединиться с людьми свободного труда? Иначе ведь ничего с демократией не получится, разве что еще одна буря.

7 февраля 1992 г. г.Набережные Челны

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Альтернативная экономика — альтернативный человек (предисловие М.Гефтера)</i>	<i>3</i>
<i>Кооперация: средство для выживания</i>	<i>5</i>
<i>Пока у нас базар, у них уже рынок</i>	<i>12</i>
<i>О заседании Кабинета министров СССР</i>	<i>25</i>
<i>О переименовании Ленинграда</i>	<i>28</i>
<i>Удар по кооператорам</i>	<i>31</i>
<i>Несколько строк о приватизации</i>	<i>33</i>
<i>Корпорация нам поможет</i>	<i>36</i>
<i>Что такое сверхнаглость?</i>	<i>43</i>
<i>Кооперативное лобби</i>	<i>45</i>
<i>Политические бури: удары по стабильности</i>	<i>49</i>
<i>Как славно быть ни в чем не виноватым</i>	<i>56</i>
<i>Нужен ли предпринимателям Союз объединенных кооперативов?</i>	<i>60</i>
<i>Путчевые заметки</i>	<i>65</i>
<i>Диковинная реальность</i>	<i>72</i>
<i>Свобода для предпринимателей, опоздавшая минимум на год</i>	<i>77</i>
<i>Выступление на Всероссийском совещании движения Демократическая Россия</i>	<i>84</i>
<i>К отставке Михаила Горбачева</i>	<i>90</i>
<i>Когда казна пуста</i>	<i>92</i>
<i>В жажде бурь не проморгайте попутный ветер</i>	<i>96</i>

Валерий Фридрихович Писигин

**СВОБОДНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО:
ПРЕПОНЫ И НАДЕЖДЫ**

Сборник статей

Художник **К.В.Марковский**

Сдано в набор 25.06.92 г. Подписано в печать 10.07.92г.
Формат 84 x 108 ¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура Тип Таймс.
Печать офсетная. Усл.печ.л. 5,88. Тираж 10 000 экз. Заказ
1258. Цена договорная.

Малое предприятие "Симбирская книга".
432021, г.Ульяновск, ул. Гончарова, 52.

Издательство "Дом печати".
432601, г.Ульяновск, ул. Гончарова, 14.



Валерий Писигин — президент Межрегиональной кооперативной федерации, сопредседатель Фонда им. Н. И. Бухарина, главный редактор «Провинциального еженедельника «Континент», издаваемого в Набережных Челнах.

Родился в 1957 году. Работал плотником, электромонтером, дежурным слесарем. В 1990 году закончил заочное отделение Казанского университета. Специальность — историк. Выступал с докладами на общесоюзных и международных научных конференциях и симпозиумах, в том числе в ФРГ, Франции и Бразилии.

В 1982 году организовал один из первых в стране неформальных политических клубов, принявшего имя Николая Бухарина.

Со времени образования Межрегиональной кооперативной федерации (в августе 1988 года) занимается развитием негосударственного сектора экономики.

препоны и надежды